

Подписано в печать 8.10.91
Объем 3/ п.л. Тираж 100 экз. Зак. № 50
ИМЛ Института Африки АН СССР,
ул. Алексея Толстого, 30/1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

To prof. A. Rona-Tas
with highest
respect.
A. Dybo

На правах рукописи

ДЫБО Анна Владимировна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
В АЛТАЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ**

10.02.19 - теория языкоzнания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва - 1991

Диссертация выполнена в Институте Языкоznания АН СССР

Научный консультант - чл.-корр. АН СССР,
доктор филологических наук З.Р. Тегомов

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук Н.З. Гаджиева
Доктор филологических наук Д.М. Насиев
Доктор филологических наук О.С. Широков

Ведущая организация - Институт Востоковедения АН СССР

Защита состоится "14. ноября 1991 года в
— часов на заседании специализированного совета
А 002.17.01 при Институте языкоznания АН СССР по адресу:
103009, Москва, ул. Семашко, 1/12

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Инсти-
тута Языкоznания АН СССР

Автореферат разослан " " 1991 г.

Ученый секретарь

Специализированного совета,
доктор филологических наук 8.Г.Исаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Предлагаемая диссертация посвящена реконструкции лексической группы имен, объединенных общей семантикой макрополя: "Конечности, плечевого пояса" и образующих два макрополя: "Рука" и "Лицо, сила", для праалтайского состояния.

На защиту выносятся следующие положения:

- Методика семантической реконструкции для групп лексики с конкретным значением, разработанная автором на материале различных языковых семей;
- Историко-генетическое и типологическое обоснование лексико-семантической системы группы (поля) соматических терминов, относящихся к верхним конечностям и плечевому поясу, в алтайских языках, реконструкция первичной системы, закономерности ее изменения в разных языковых группах и бытования в современных языках;
- Аналогичная обработка соответствующих лексических полей в indoевропейской и уральской языковых семьях, реконструкция первичных систем и выявление закономерностей их последующего изменения для языковых групп, принадлежащих к этим семьям;
- Фрагмент диахронической типологии семантических структур, выполненный на материале указанной лексико-семантической группы;
- Ряд новых этимологических решений для алтайских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, иранских языков;
- Ряд новых положений сравнительно-исторической фонетики алтайских языков: в именце, модификации в реконструкции начальных носовых, оппозиции начальных дентальных, тройки интервокальных гуттуральных и губных; дифтонгов; кластерных консонантных сочетаний.

Актуальность проведенного исследования определена тем, что в настоящее время сравнительно-историческое языкоzнание вступило в новый период развития, когда возникла потребность перенесения компаративистских методов, разработанных в основном на материале индоевропейских языков, на глобальное изучение языковых семей мира. В связи с этим возникают две сложности: а) исследователь сталкивается с языками с короткой письменной традицией, или же резко расшившимися; б) исследователь сталкивается с фактами, указывающими на возможность установления отдаленного родства языков. При этом за-

частую оказывается, что методы, применявшиеся традиционным сравнительно-историческим языкознанием и достаточно строгие для индоевропейского материала (где имеется длительная письменная традиция, древние языки, последовательное ветвление языковых подгрупп), на новом материале оказываются недостаточными. Современные потребности сравнительно-исторического исследования языковых семей ставят более жесткие требования, что делает необходимым уточнение методов, в особенности методов семантической реконструкции, поскольку здесь семантика зачастую становится определяющим критерием выделения правильного сближения из числа нескольких возможных или же верификации нового сближения. Таким образом, исследование в данном направлении актуальны как для алтайского языкоznания, так и для сравнительно-исторического языкоznания в целом.

Теоретическая новизна работы состоит в разработке и применении ряда концептуальных подходов, ранее не использовавшихся в сравнительно-историческом исследовании:

- а) использование системного подхода к лексической семантике для этимологического исследования;
- б) широкое использование лингвогеографических критерий для семантической реконструкции;
- в) применение для семантической реконструкции семантической типологии в двух планах:
 - разработка синхронной семантической типологии для группы соматических терминов (ранее практически не производившаяся);
 - впервые разработанная на определенном фрагменте лексики диахроническая типология лексических систем (ранее диахроническая типология в семантике применялась исключительно атомистически).

Таким образом, в работе выдвигается новое направление исследования: сравнительно-историческое исследование в семантике, объединяющее системный подход со сравнительно-историческим и типологическим методами.

Главными целями работы могут считаться следующие:

- Произвести опыт реконструкции лексической подсистемы соматических терминов для пратюрского, пратунгусо-маньчжурского и прамонгольского состояний.
- На основании полученных частных реконструкций произвести реконструкцию лексической подсистемы соматических терминов для

праалтайского состояния.

- Для типологической верификации произведенных реконструкций произвести аналогичные реконструкции по отдельным индоевропейским и уральским языковым группам и для праиндоевропейского и прауральского состояний.
- На основе произведенных исследований выработать диахроническую типологию семантических изменений для рассмотренной группы лексики.
- На основе анализа и обобщения эмпирического материала выработать строгую методику семантической реконструкции лексической группы (в области конкретной лексики).

В соответствии с указанными общими целями в работе были поставлены и решены следующие наиболее важные задачи:

- а) уточнение фонетической реконструкции для праалтайского состояния;
- б) этимологический анализ лексики, входящей в интересующую нас лексико-семантическую подгруппу, для всех языков всех входящих в круг исследования языковых семей;
- в) анализ структуры и функционирования рассматриваемой лексико-семантической подгруппы в каждом из современных, древних и, по возможности, в реконструируемых языках на каждой ступени реконструкции;
- г) привлечение к реконструкции праязыковых состояний рассматриваемой лексико-семантической группы в качестве дополнительных данных:
 - лингвогеографической информации о территориальном распространении отдельных лексем, типов лексических значений и номинационных структур, позволяющей ответить на вопросы об архаизмах, инновациях, семантических и лексических заимствованиях;
 - этнографической информации, дающей основания для выводов о смене этнографических характеристик у носителей языка как причине изменений в семантике;
- д) теоретическое обобщение всех полученных данных в плане анализа причин и условий семантических изменений, могущих происходить в рассмотренной лексико-семантической группе; определение типов устройства соответствующих лексико-семантических групп и путей изменения для каждого из них.

Теоретическая значимость представляемой работы видится, во-первых, в дальнейшем уточнении сравнительно-исторического метода, позволяющем вводить строгие критерии не только в фонетическом, но и в семантическом сопоставлении; во-вторых, в дальнейшем приближении реконструируемого праязыка к реальности (возникает возможность реконструкции не набора отдельных корней или основ, а некогда функционировавшей лексической системы); в-третьих, в распространении сравнительно новой области языкоznания - диахронической типологии - на новый для нее материал - лексическую семантику.

Практическая значимость работы:

1) Необходимость ее для развития этимологических исследований, в области алтайских языков. Работа содержит около 300 новых алтайских лексических сближений, тем самым являясь значительным вкладом в алтайский этимологический словарь и в решение проблем алтайского родства; предлагается ряд новых решений для сравнительно-исторической фонетики алтайских языков. Результаты работы могут, таким образом, быть использованы при составлении этимологических словарей, сравнительно-исторических грамматик алтайских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчурских языков; вузовских курсов по соответствующим темам; при исследованиях в области ностратического языкоznания (не менее 30 из разработанных в диссертации алтайских этимологий имеют ностратические параллели).

2) Семантический анализ лексической группы и ряд новых этимологий и уточнений к уже существующим этимологиям предложен для иранских языков. Все это, а также полная документация по всем рассмотренным этимологиям, может явиться определенным вкладом в разработку крайне актуального в настоящее время этимологического словаря иранских языков. Ряд уточнений в индоевропейском этимологическом корпусе, семантический и словообразовательный анализ лексики позволяют использовать результаты работы для исследований по индоевропеистике.

3) Предложенная методика семантической реконструкции, примененные методы и полученные выводы в области диахронической типологии лексической семантики дают основания для использования работы в общем языкоznании, в частности, при составлении курсов по семантике и типологии.

Апробация работы: различные положения и результаты работы

неоднократно апробировались на заседаниях Ностратического семинара им. В.М Ильин-Свityча, а также на следующих научных конференциях:

Конференция молодых научных сотрудников ИВ АН ССР. М., 1983.

Всесоюзная конференция "Лингвистическая реконструкция и история Древнего Востока". М., 1984.

Всесоюзная конференция "Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка". Чебоксары, 1984.

Reparant International Altaic Congress. Ташкент, 1986.

Международный симпозиум "Language and Prehistory". Ann Arbor, 1988.

Международная конференция "Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока". М., 1989.

Всесоюзная конференция "Сравнительно-историческое языкоznание на современном этапе". М., 1990.

Всесоюзная конференция "Вопросы иранистики и алановедения". Владикавказ, 1990.

Всесоюзная конференция "Славистика, индоевропеистика, ностратика". М., 1991.

Основное содержание работы отражено в научных статьях общим объемом 12,6 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и приложений. В приложения входят библиография и некоторые частные дополнения к произведенной в работе реконструкции: реконструкции названий пальцев рук и пальцевых мер в алтайских языках и этюд о развитии метрологических значений у слова *qat'* в средневизантийском ареале.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается постановка вопроса об актуальности решения проблемы семантической реконструкции для алтайского языкоznания и для сравнительно-исторического языкоznания в целом.

В основе сравнительно-исторического метода, на сегодняшний день являющегося единственным способом получить научно достоверные сведения о дописьменных периодах истории языков, лежит презумпция, что реконструируемые праязыки, не являются языками первобытных людей, тем самым не отличаются принципиально по устройству от современных языков. Истинность условия этой презумпции для тех хронологических уровней праязыков, до которых сейчас дали частные рекон-

структур, в свете имеющихся сводок данных языкоznания и археологии уже не может вызывать сомнений. Исходя из нее, естественно предполагать, что в прайзыке, как и в современных языках, основной функциональной единицей являлось слово (лексема), а не корень, и, следовательно, для того, чтобы реконструированный прайзык обрел реальность, объектом реконструкции должны быть по возможности не корни, а слова – основы с возможно более конкретными значениями. С другой стороны, в прайзыках, как и в современных языках, по-видимому, существовали механизмы словообразования; существуют также убедительные доказательства реальности семантических изменений слов. Очевидно, что реконструкция лексики прайзыка должна включать реконструкцию первоначальных значений слов и объяснение изменений этих значений. Опыт исторической семасиологии показывает, что анализ изменений значений слов можно производить, исходя из предположения о внутренней организованности лексики в языке; слово изменяет значение не само по себе, но как член лексической группы (поля, микросистемы); в диссертации рассматривается история такого подхода к лексической семантике в рамках теории Я. Трира; отмечено, однако, что работы этой школы не ставят обычно реконструктивных задач. Задачу реконструкции праславянского лексического фонда не только в формальном, но и в семантическом плане впервые эксплицитно поставил Н.И. Толстой. Его метод включает установление лексико-семантической типологии отдельных "полей" (семантических групп) путем построения макро-сетки, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. При этом выясняются максимальные и минимальные наборно-дистрибутивные возможности,... а также взаимоисключающие и взаимообусловливающие семантические словообразовательные отношения. Это дает также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции. Предлагается также усовершенствование лингвогеографического метода, а именно, картографирование не одиночных лексем и семем, а типов семантических полей "с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей" (Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. М., 1964, с. 37–39). Характерная особенность подхода Н.И. Толстого к лексике, в отличие от теории лексических полей – большая жесткость объектов, с которыми он работает; это не размытые "поля", а структуры, по узлам которых ("звеньям семантической цепи") перемещаются значения. Очевидно, эта жесткость и обуславливает

возможность семантической реконструкции.

Методика, применяемая в настоящем исследовании, в целом близка методам Н.И. Толстого, хотя и расходится с ними по некоторым положениям. Так же, как у Н.И. Толстого, основой ее является семантическая типология, но центр тяжести переносится на типологию семантических изменений. Реконструкция семантики не может основываться на построении рядов соответствий между семантическими компонентами слов в родственных языках; поскольку этих компонентов очень много, семантическая позиция гораздо сложнее и менее частотна, чем фонетическая; фактически каждое употребление слова представляет отдельную семантическую позицию, и для построения рядов не хватит материала. Поэтому здесь, в отличие от сегментной фонетики, где на типологии звуковых изменений строится интерпретация реконструкции, но не сама реконструкция, особое значение приобретает увеличение обратного материала с помощью построения типологии семантических изменений, на которую и опирается семантическая реконструкция. В построении семантической типологии мы исходим из следующих представлений. Для некоторых объектов действительности в любом естественном языке имеются наборы первичных (немотивированных) лексем, значения которых, соотносясь друг с другом, определенным образом расчленяют эти объекты. Способ расчленения явлений действительности лексическими средствами языка мы называем номинационной речеткой. Вид той или иной номинационной речетки в каждом языке выявляется с помощью анализа достаточно частотных фразеологизованных употреблений у заполняющих речетку лексем, поскольку, как показано было еще Э. Бенвенистом, в истории языка изменение семантики происходит через сочетаемость слова.

Теоретический анализ семантики соматических терминов проводился А. Вежбицкой (Wierzbicka 1980, глава "Parts of the Body: The Semantics of Concrete Vocabulary", р. 77 – 95). Она выдвигает важное различие функциональных и топографических аспектов значения в этой группе лексики; недостатком ее анализа является, однако, то, что он основан на интроспекции и не учитывает типологических критерии. Наш анализ семантики соматических терминов опирается на изучение их реального функционирования в различных языках, которое показывает, что для части терминов, относящихся к "внешним" органам, совершенно необходима "функциональная" часть в толковании, причем слова разных языков, одинаково описываемые топог-

ляют незамкнутую систему исследовательских приемов, которая позволяет четко поставить вопросы, связанные с семантической реконструкцией, и дать на них ответы. Общие положения, касающиеся семантических изменений, представляют собой не исходный пункт, а результат проводимого исследования.

Выбор для нашего анализа группы названий верхних конечностей обусловлен следующими причинами. Эта группа принадлежит к слою "базисной" лексики, наименее проницаемой и наиболее устойчивой, что повышает вероятность обнаружения в ней исконных правалтайских слов в случае родства алтайских языков; напротив, отсутствие в ней общих слов, которые при этом не были бы заимствованиями, было бы довольно серьезным аргументом против родства. Именно названия частей тела выбраны среди "базисных" групп, поскольку они обладают четким предметным значением, что облегчает прослеживание смысловых изменений; с другой стороны, в отличие от терминов родства или названий небесных тел и климатических явлений, изучение их требует минимального привлечения экстравербальной информации (хотя ни в коем случае не свободно от нее). Группа названий конечностей образует внутри группы названий частей тела относительно целостную и автономную подсистему, смысловые переходы внутри которой, в основном, не затрагивают других частей включающей ее группы, а внутрисистемные отношения очень ярко выражены. Тем самым, данная группа представляет собой подходящий материал для апробирования кратко изложенной выше методики на начальном этапе ее разработки.

Примечание.

Непроницаемость соматической лексики, конечно, весьма относительна, что вызвало у ряда исследователей тенденцию к ее полному отрицанию. В действительности все факты нарушения непроницаемости в такого рода лексике сводятся к двум типам явлений. Во-первых, соматическая терминология имеет пограничные области, относящиеся к "культурной лексике", в которых заимствование производится присущими ей способами. Во-вторых, за исключением этих пограничных областей, остается возможность заимствования в следующей ситуации. В результате тесного контакта языков с разными номинационными решетками (скорее всего, при наличии хотя бы функционально ограниченного двуязычия) высокочастотные контексты калькируются, соответственно, заимствуется система лексических противопоставлений. Если

зимствуется решетка с большим числом мест, то, поскольку лексическое наполнение для одной из клеток заимствованной решетки отсутствовало в лексике данного языка, заимствуется слово, заполняющее эту клетку в решете языка-источника. Заимствование решетки с меньшим числом мест, чем исконная для данного языка, равносильно устраниению части лексических оппозиций и вызывает "ход" лишнего слова. Определенный тип номинационной решетки может распространяться на целый этнокультурный ареал, в связи с чем в высшей степени интересным оказывается картографирование типов номинационных решеток. Возможность контактного распространения номинационной решетки позволяет применять при семантической реконструкции лингвогеографические методы.

Применительно к алтайскому материалу семантическая реконструкция до сих пор не производилась. Существует ряд работ по анатомической лексике отдельных языков и языковых групп, которые были нами использованы в основном в плане материала.

Поскольку отождествление лексем для разных исторических состояний языка производится этимологическим методом, значительную часть нашей работы занимает этимологизация. В имеющихся этимологических источниках этимологизируется лишь часть собранной нами лексики, причем в ряде случаев имеются и возможности выявления новых связей. Все имеющиеся этимологические предложения приходится подвергать пересмотру и либо принять, либо отклонить, дав обоснование того или иного этимологического решения. В связи с этим нами было выполнено несколько вспомогательных исследований по уточнению сравнительной фонетики тюркских, тунгусо-маньчжурских, а также алтайских языков.

Полученное в результате представление о правалтайской реконструкции изложено в первой главе нашей работы. В целом я исхожу из алтайской реконструкции Рамстедта, Ноппе и Рясиенена, учитывая модификации, сделанные В.М. Илич-Свитычем и С.А. Старостиным; кроме того, мною введены следующие дополнения⁴.

4 Кроме того, принятая в работе реконструкция отличается модификациями, полученными в результате коллективной работы Группы Сравнительно-этимологического словаря алтайских языков:

I. Тюркские языки.

1. Всказлизм.

а) в Тю реконструируются огубленные гласные второго слога, регулярно вызывающие огубление гласных первого слога в якут., чув. и ряде новоуйгурских диалектов; ср.: 'старый': аз. *əskɪ*, якут. *övök* (< *əskü*); 'щенок': аз. *ətik*, якут. *ö/ütödöv* (< *ətik*), чув. *apçäk*; 'Habe, Gut': туркм. *e;jilik*, якут. *ö/ütüö* (< **öögü*). В остальных языках различие гласных второго слога по огубленности стерто морфонологическими процессами.

В словах, где в первом слоге варьируют по языкам рефлексы огубленных и неогубленных гласных, а во втором – рефлексы широкого и узкого гласного, восстанавливается во втором слоге широкий огубленный гласный (ö): **bırjök* 'кость' VEWT 437a, *(*j)emgök* 'темечко' VEWT 42b, 213a-b; **kərölək* 'бабочка' VEWT 291b.

б) Имеет место особая внутритюркская рефлексия ö в сочетаниях (ср. О.А.Мудрак "Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском", Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока, ч. I, М., 1989, с. 222, ср. случаи, когда явно приходится восстанавливать пратюрк. *-bg- и *-br-: **abgic* 'ладонь' > **ajgič* > *ačič* и, в d-языках, > **adič* > **adıč* (монг. **fadku*, ТМ **fctxa*); **üdrık* 'удод' > тув. *itpik*, и, с перестройками, туркм. *üprirk*, каз. *üdid*, кир. *üprü* (монг. *öbüg*).

Относительно рефлексации конечных гуттуральных и носовых в Тю см. Мудрак ib. 222. Относительно проблемы варьирования рефлексов z, ʂ ~ r, l см. Хелимский 1988: *Ct* > *Cr*, *Vt* > *Vz*.

в) О вторичном придыхании в монгор. в неприкрытом начале слова (т.о., не всякое монгор. *f-*, *h-* восходит к прамонг. **φ-* (**h-*) см. Хелимский 1986.

г) Для ПТМ периода распада восстанавливается десингармонистическое состояние (см. Старостин 1989, с. 22); затем по отдельным подгруппам вновь развивается сингармонизм двух различных типов

д) Для ПТМ восстанавливается *ʒ-: ʃ- по всем языкам, ма. ʒ- см. Старостин 1991, с. 17 (мо моим наблюдениям, тот же рефлекс в нан. Бк.).

е) О.А. Мудраком (Мудрак, Палат.) и С.А.Старостиным (Старостин 1991, с.17) реконструируется в НА *z- (ТМ *ʒ-, Ма *z-/ʃ- в неясных условиях, Тю *z-) и *z- (Мо *z-, Тю *j-, ТМ рефлекс неясен: Ма **salkın* 'ветер', Тю **jel*; Мо **sine* 'новый', Тю **jan-gi*; Мо **zepəg* 'легкий', Тю **jän-*).

а) *e и *ä в пратюркском. Рефлексы кратких e-образных звуков в аз. не различают старой закрытости/открытости; закрытое и открытые e распределены позиционно: после j-, перед ширящими (ö, ɨ) и общеогузским j (но не перед собственно азербайджанским, из огуз. *g) имеется закрытый рефлекс, в прочих случаях открытый. Таким образом, ситуация в аз. – вторичная по отношению к туркм., где рефлексы кратких вообще не различаются. Рефлексы долгих *ä и *e в аз. и туркм. различают огузскую открытость/закрытость: это аз. ə (> e в тех же позициях, что рефлекс краткого), туркм. Ə vs аз. e (независимо от позиции), туркм. ī. Сопоставление огуз. материала с якут. и чuvаш. дает следующие ряды соответствий.

*ä: огуз. *e, якут. ä, чuv. a; халадж. ä.

*e: огуз. *e, якут. i, чuv. i (перед носовыми и г после ç > ī); халадж. ö (возможно, i перед ширящими).

*ä: огуз. *ä, якут. ö, чuv. a, халадж. ö.

*ē: огуз. *ē, якут. ī, чuv. a, халадж. ī^E, при начальном h- ä.

В сочетании с j-образным элементом срединного кластера огуз. языках j-образный элемент бесследно исчезает; в якутском на него реагирует лишь *ē (закрытое долгое), а именно, *ēl > ī, в прочих случаях он бесследно исчезает. В чuvаш. *āj, *āj, *ēj, *ēj > *ej > i; в неприкрытом слоге (в позиции не перед r) дифтонг, по-видимому, превращался в восходящий (ср. такое поведение у других гласных – Мудрак, Палатализация), судя по имеющимся примерам переходов *āj > *ej > *jū > jē > *jē > ja. Таким образом,

*āt: огуз. *e, якут. ä, чuv. -i-/jē-; халадж. ä;

*āt: огуз. *ā, якут. ī, чuv. i, халадж. ī^E;

*ēt: огуз. *ē, якут. ī, чuv. -i-/ja-; халадж. ī^E в любой позиции.

Алтайские соответствия дают следующую картину:

Тюрк.*ä:TM *e или *a, Mo *e или *a(таким образом, тюрк.*ä может быть результатом сингармонистического развития *a) – 31 пример.

Тюрк. *e – TM *e, Mo *e/i (условия неясны) – 9 примеров.

Тюрк. *ā: TM *e или *a, Mo *e или *a – 9 примеров.

Тюрк. *ē: TM *e, Mo *e – 11 примеров.

Тюрк.*öi:TM*a(i*)/*ia, Mo *a,*o(алт. *ai,*oi) – 7 примеров.

Тюрк. *ēi: TM *ei (> *i, перед сочетанием с плавным - *e), Mo *e (алт. *ei) – 8 примеров.

(?)Тюрк. *āi: TM *ei/*e, Mo *o/a – 5 примеров.

б) Проблема дифтонгических сочетаний. Восстанавливаются: диф-

тонг *aj (дает в ряде языков северо- и юго-восточной групп (также в кирг.) i-образные рефлексы, а в неприкрытом слоге выносит j-образный элемент в илаут; восстанавливаются, таким образом, *ajgas 'дерево' (ЭСТЯ I 71)⁴, *ka:jat 'крыло', *ča:jat- 'локоть', *ajt 'плач' ЭСТЯ I 79 и т.п.); *üj (*ü в огузских языках: üd в туркм., ü или i - в зависимости от последующего согласного? - в тур. и гаг., -i-образные рефлексы в восточных языках: *di:jr- 'морщить', огуз. *di:r-; *di:jt- 'трепать шерсть', тув., тоф. Di:tis-; тув., тоф., хак., кир. di:t-; *ü:j 'звук', кир., ног., ккал. i:j; ср. еще *ti:j(e): туркм. i:j- (вследствие взаимодействия с палатальным согласным?), в прочих языках i; ü - в якут., салар., кар. k; ср. начальную палатализацию в чuv. чёр., геминацию z в уз., уйг., ккал., возможно, указывающую на старое сочетание согласных); *oj (əgi:n/əgūn, sojuk 'олень' VEWT 415, 425 - ср. Mo wogo 'самка оленя'); *-i:j- (в словах с варированием рефлексов i и ü: *ci:flik 'язык', *ci:jrt 'спина').

2. Консонантизм.

а) Начальная звонкость/глухость дентальных: В огузских языках наблюдается три ряда соответствий: а) тур., гаг., аз., туркм. d, б) тур., гаг., аз., туркм. t, в) тур., гаг. t, аз., туркм. d (только в заднерядных словах). В аз. в позиции /Vk/ регулярно происходит оглушение начального d. В саянских языках вторичные перераспределения: 1) в тув., если илаутный согласный несет фарингализацию, при закрытом слоге начальный согласный глухой, при открытом - звонкий; 2) в случаях, когда срединный придыхательный (фарингализованный) k или r выпадает (ср. тув. mos 'девять'; ses 'восемь'), в тувинской орфографии и тофаларской транскрипции В.И.Рассадина начальный согласный регулярно записывается как t (придыхательный).

Общетюрк. типы распределений:

1) Шумный звонкий в илауте, долгота гласного неределевантна: нейтрализация противопоставления: огуз. d, саян. d; при тю илаутном *b(>) саян. t с фарингализацией в тув. (при закрытом слоге) d > t (по вышеуказанному правилу). Т.о. в тю озвончение в соответствии как с алт. *d, так и с алт. *t (21 пример).

⁴ Ср.: ТМ *fia 'береза', Mo *hot 'лес' Старостин 1991, с. 284.

2) Шумный глухой в илауте (озвончивающийся огуз. после долгого гласного), долгий гласный:

Тю *d - огуз. d (с оглушением в аз.), саян. d в соответствии с алт. *d (9 примеров). Тю *t - огуз. t по всем языкам; саян. d в соответствии с алт. *t- (10 примеров).

3) Шумный глухой в илауте, краткий гласный:

Тю *d - огуз. d, саян. t (тыв. t/d по выменизованным правилам) (6 примеров). Тю *t - огуз. t (в переднерядных словах - с озвончением в туркм. перед p; перед k в заднерядных словах огуз. t/d (с оглушением в аз.), саян. t (тыв. t/d по выменизованным правилам) (27 примеров).

4) Старое срединное сочетание шумный + сонант/шумный (в том числе геминаты):

*d-: огуз. звонкий, саян. звонкий (6 примеров); *t-: огуз. глухой, саян. глухой (12 примеров).

5) Срединное *z, в том числе в сочетаниях с другими согласными: нейтрализация:

задн. ряд: тур., гаг. t, аз., туркм. d; саян. d (и фарингализация) (9 примеров).

Передний ряд: огуз. *d-, саян. d- (11 примеров).

6) Срединное *z: нейтрализация при кратком гласном: огуз. d, саян. d (9 примеров). При -z- из старого сочетания согласных при кратком гласном другой ряд соответствует в заднем ряду огуз. t/d, саян. d; в переднем ряду огуз. t, саян. d (4 примера). При долгом гласном: Тю *d > тур., гаг. t.; аз., туркм. d; саян. d (1 пример); Тю *t > огуз. t (2 примера).

7) Интервокальный *j:

Тю *d: огуз. d, саян. d (8 примеров). Тю *t, огуз. t, саян. d (5 примеров).

8) Срединный сонант, гласный долгий: Тю *d - огуз. d, саян. d (16 примеров). Тю *t - огуз. d, тув. t, тоф. d (9 примеров).

9) Срединный сонант, гласный краткий:

Тю *d - огуз. d, саян. d (19 примеров). Тю *t - огуз. t, саян. t (10 примеров).

6) В Тю в ин- и аудиауте восстанавливаются сочетания g, k + сонант: g, k > 0 в чuv. (интервок. g > u); в тат., башк., каз., якут. и ряде других языков Северо-Востока g в сочетаниях выпадает, не оставляя второй долготы (при этом в кырг. и северо-восточных

языках часто происходит разрешение сочетания с помощью вставного гласного: **jaqrin* 'лопатка', **egn* 'плечо', **sek̥n* 'мышца загривка', **dogra-* 'кромсать', **dogri* 'прямой' и под. Примеры сочетаний *u* + С: **ðu-* 'веять', **ðut-* 'издавать звуки'; эти сочетания также устраняются либо вставкой узкого гласного, либо выпадением *u*, не вызывающим удлинения гласного; в последнем случае гласный спорадически получает огубленность.

Сочетания *-ju-*, *-jn-* реконструируются на месте восстанавливаемых М. Рясененом **j* и **n*; таким образом, это носовые после дифтонгов; ср. **ti.jnak* 'копыто': огуз. *do.jnak*, алт., тел., шор. *tygak* Р 1305; **mä.jŋ-* 'мозг': огуз. *pe.jn* < **te.jn* (в позиции конца слова), кыпч. *mäj*; **bo.jnuz* 'рог': огуз. *bo.jnuz*, тув., тоф. *mäjts*, **ka.jnat* 'крыло': сюг. *kä.jnat* и под.

II. Монгольские языки. Отвергается объяснение выпадения/сохранения звонких гуттуральных при помощи сильных/слабых позиций, зависящих от предполагаемого места ударения; я различаю в реконструкции *g* невыпадающее и *γ* выпадающее⁵ (учитывая при этом позиции сохранения *γ* выпадающего, описанные Владимирцевым, см. ГМЯпп. 123–127, т.е. при наличии в слове двух *γ* или дифтонга).

III. Тунгусо-маньчжурские языки.

1. Вокализм. На месте традиционного **ü* (сев. *i*, южн. *u*) восстанавливается дифтонг **ui*; во-первых, в части позиций обнаруживаются следы *j* (в ауслауте, при гуттуральном в инауле, при одиночном плавном), во-вторых, существует серия примеров с соответствием сев. *i*, южн. *o,j*, ср. **tu.jksa* 'шалаш, берестяная покрышка' ССТМЯ II 179, **tu.jba* 'рубанок' ССТМЯ II 174, (?) **ya.jksa* 'гузка' ССТМЯ II 121. Алт. **öf* > ПТМ **uij*: мо. **mögen* 'плечо' – ТМ **ma.jre* 'тж', при МО **tölge* 'предсказание' – ТМ **tolkin* 'сновидение' (алт. **ö*), тюрк. **dır* 'корень' – ТМ **dübe* 'конец' (алт. **ü*).

ПТМ **ia*: сев. *æ*, южн. *ia/æ* (в неодносложном слове спорадически *i*); нег., ма. *ia, io* > *aj, oj* перед *k, x, g*, не входящими в синхронно представленные (нан., ма.) или реконструируемые (ма.)

⁵ В работе не используется *γ* для обозначения звонкого гуттурального в заднерядных словах, т. к. этот последний представляет собой позиционный аллофон *g*.

сочетания согласных (6 примеров).

**ie*: сев. *i*, южн. *je* в неприкрытом слоге В других позициях особого рефлекса *-*ie-* не обнаруживается, кроме **field-* 'лететь': Нан. *p̥l̥wep-*, Ма *fele-*, по-видимому, он. должны были совпасть во всех языках, кроме Ма, с рефлексами **i*.

**aj, oj* отражаются в сев. как *i*, в южн. как *aj, oj* только в абсолютном конце. Перед группой согласных **aj, oj* в южн. > *ia*; в прочих случаях **aj, oj* > *i* и в северной и в южной группах (не отличаясь, таким образом, от **i* заднерядных слов).

**et*: сев. *i* (эвен., нег. *æ*), южн. *ei/i* – *n* + восходящий дифтонг = *ń* + гласный элемент этого дифтонга.

2. Консонантизм.

а) В начале слова при сохранении для ПТМ традиционной реконструкции противопоставления **n*, **ń*, **ŋ* изменяются конкретные реконструкции. В сев. и амурских языках спорадически возникающее при наличии второго носового или заднеязычного в слове *u* и даже *ü* в соответствии с нан., маньчж. *n, ń* рассматривается как рефлекс ПТМ **n*, алт. **ń* и **ŋ*; внешние соответствия – монг. *n-*, *ž-*, тюрк. **j-*; **níške* 'маленький, слабый' – МО *níngən* 'тихий, мелкий, слабый', тю. **jinške* 'тонкий, мелкий, слабый'; **ninda* 'собака' – тю **ʃt* 'тж.'; **nírek* 'карликовая береза' – МО *nígerən* 'кустарниковая ольха', тю **ʃlurek* 'ольха'; **nóke* 'дремать' – МО *pojír* 'сон' (ср. ФУ **fiuž-* 'дремать' UEW 328); **níři* 'покойник' – тю **jebiň* 'тж' (ср. ФУ **pojta* 'шаман, колдун' UEW 307); **nóke* 'волк, кобель' – МО **nókət* 'собака'; (?) **níagi-* 'склон' – МО **nađiři-* 'стигаться', тю **jařka-* 'качаться'; **nénci-* 'нападать' – МО **žatci-*, тю **žatči-* 'угрожать'; если второй носовой – **n*, начальный **n* / *u* и в нан.: 'нос, рыло' – эвен. *næs*, ульч. *nakə*, нан. *nökə* при ма. *næs* *jall* 'десна'; ПТМ **nóřea*, ма. **nagčiřar* 'спинка носа' (< **najči-*), па **nóřež-* (относительно **b* см. ниже), ср. ур **najčče* 'твёрдое небо, рыло' UEW 311. ПТМ **n-* дает в ма. *g*, перед дифтонгом *u*. Внешние соответствия – двух типов: а) МО, тю *θ-* б) МО **g-*, тю **j-* (причем алт. *e* в тюрк. > а). ТМ **n* > *ń* перед *i* и дифтонгами; *ń* любого происхождения перед **i* в южной группе (кроме ма.) > **j* > *z* (т.е. тот же рефлекс, что у **x* перед передней гласной) (5 примеров). В ма. **ń* > *θ* перед сочетанием согласных. Алтайские соответствия следующие:

алт. **n-* – МО **n-* (при алт. восходящем дифтонге **ui-*, при

алт. нисходящем дифтонге *n), ТМ *n - (*n- перед i, восходящими и нисходящими дифтонгами); Тю *j-.

Алт. *n- - Мо *ȝ-, ТМ *ñ-; Тю *j (12 примеров).

в) Инлаутный консонантизм.

1) Гуттуральные. В ПТМ восстанавливается в инлауте три гуттуральных фонемы (k, x, g; таким образом, в инлауте имеется тот же набор, что в альяуте). Рефлексы k и x развиваются по-разному в зависимости от вокалического окружения (см. Дыбо 1990) Эти две фонемы входят в следующие ряды алтайских соответствий:

а) ТМ *k, Мо *g, Тю *k (ПА *k)

б) ТМ *x, Мо *k, Тю *k (ПА *k')

в) (Поствелярные)

ТМ *k, Мо *ȝ, Тю *g (ПА *ȝ)

ТМ *x, Мо ȝ, Тю *g (ПА *χ)

Реконструкция для ПТМ *x, а не *k' подтверждается отражением старых монг. заимствований. Монг. *k' (> x) при заимствовании в ТМ дало там *k: Мо *ök̥in 'самка' (= 'девушка, дочь') > ТМ *uk̥i 'тж'; Мо *čok̥ir 'пестрый' > ТМ *čoko 'тж'; Мо *geke- 'кивать' > ТМ *geke- 'тж' (дескриптивная основа).

2) Губные интервокальные.

Интервокальная тройка губных предполагается для ПТМ еще В.И. Цинциус (Цинциус 1949, с. 160 - 161). Вслед за ней тройку выделяет С.А. Старостин (Старостин 1990, с. 122). Однако полная распись материала ССТМЯ показывает, что его *r и *b распределяются по гласному окружению. В настоящей работе принято разделение *r (СТМ *r, ЮТМ *r), *b (в зависимости от вокалического окружения рефлексы типа b, v), *f (для группы рефлексов типа СТМ -v-, ЮТМ -r-). ПТМ *-r- при этом восстанавливается либо в дескриптивных словах, возможно, с экспрессивным усилением согласных, либо в заимствованиях, либо в названиях некоторых объектов, специфических для северной этнографии (как 'лепешка из ягод черемухи', 'съедобный корень'), вероятно, ранних заимствованиях из неизвестного субстратного языка.

Алт. *-r'- - ТМ *-f-, Мо *-ȝ- в интервокале, *-b- в конце слова, Тю *-r-;

Алт. *-r- - ТМ *-ȝ-, Мо *-b-, Тю *-r-;

Алт. *-b- - ТМ *-ȝ-, Мо *-b-, Тю *-b-;

Алт. *-w- - ТМ *-ȝ-, Мо *-ȝ- в интервокале, *-u- в конце сло-

га, Тю *-b- в интервокале, перед шумным, *-u- перед плавным.

3) Развитие инлаутных сочетаний согласных: а) условно восстанавливаются ПТМ *-l̥ç-, *-l̥ȝ- для серии примеров, дающих в твк., сол., эвн. языках -j-, -ȝ-, а в южных соответственно -l̥ç-, -l-, ср.: 'бабка' Эвк. aʃükən, Сол. aʃukā, Нег. alçukən, Орок. ačuka, Ульч. alčuk, Нан. alčōd; 'тина, болотное растение' Эвк. kaʃ(i)kt, Эвн. kaʃiʃt, Нег. kałčukta, Ульч. kałčan, Нан. kałčokta; 'обшлаг рукава' Эвк. bogjan, Эвн. bujan, Нег. dolan, Орок. bolo; 'глухой' Эвн. kuʃkt, Эвн. kuʃki (диал. kułki), Ма. xulx 'глупый'; 'коситься, смотреть исподлобья' Эвк. kuʃin-, Эвн. kuʃin-, Ма. kuli- 'озираться в страхе'; 'гнида' Эвк. neʃ(i)ka, Уд. nežige, Ульч. nilekte, Орок. nelige, Нан. nileke; Эвк. soğ 'язычок ботала', Нан. col-ki 'колокол'; ср. похожие развитие l в сочетаниях в Ма. ejʃen 'осел' (Мо. elʒigen, из Ма. заимств. в Нег., Ульч., Нан.), aʃin 'золото' (чж. aŋin < alčin, ср. тю. altin); б) сочетание *-l̥ȝ- в присутствии носового в слове > *-ȝ- (сев. -ȝ-, южн. -ȝȝ-): ПТМ *xelge-ñe > *xerete 'поясница'; СТМ *elge-ñe > *ere-ñe 'богатый': - производное от *elgi 'богатый, зажиточный' ПТМ *tuʃlgen > *tuʃpen 'грудь' при Ма. tuʃu 'грудь лошади' (ср. тю. *tɔð); ПТМ *reʃli > *niʃi 'ширина фаланги пальца'; в) ТМ сочетание *-l̥ȝ- (в том числе полученное после элизии гласного в трехсложном слове; этот гласный обычно сохраняется в Ма.) > *-ȝ- с нормальными рефлексами сев. -ȝ-, Ульч. -ȝ-, Орок. -ȝ-, Нан. -ȝȝ-; после i - (n)ȝ-: *r'aʃra 'ладонь', *xolgi- ki/ka 'голень'; *ilȝi- 'плести' (производное от *il- 'плести'); *r'eʃpen 'колено' (ср. тю. *etʃek 'четвереньки', Ур. *reʃma 'колено'); *xilȝa- ' волос' (ср. Мо *kilȝa-yan).

IV. Правалтайская реконструкция.

Кроме модификаций, упоминавшихся в разделах, посвященных отдельным алтайским семьям, в правалтайскую реконструкцию вносятся следующие модификации.

1. Вокализм. Кроме традиционных восходящих дифтонгов восстанавливаются нисходящие. Восходящие дифтонги сохраняются или дают метатезу в ТМ, дают *i в Мо.; в ПТ теряют гайдовый элемент (след которого сохраняется в чув. в виде палатализации начального согласного). Нисходящие дифтонги в ПТМ сохраняются (или дают метатезу), в Мо регулярно теряют гайдовый элемент, ср.: ТМ *oʃparat 'поисни-

ца' – Мо *otai* 'зад', ТМ **taijre* 'плечо' – Мо **möri* 'тж.', ТМ **iki*j 'рыболовная счастье' – Мо **ögö-si* 'невод', ТМ **p'ejxi* 'лоб, мозг' – Мо **fekin* 'мозг', ТМ **taijkej* 'змея' – Мо **togađ* 'тж.'. В Тю обнаруживаются следы дифтонгов типа **aj*, **ej*, (?) **oj*, **üj*; сочетание алт. *j* с последующим поствелярным дает особые рефлексы – см. ниже. Алт. **uj* во втором слоге > Тю **i* (не огубленный!): ТМ **ciki*j 'шарнир', Мо **ciku* 'чека', Тю **ciki-nak* 'засов, чека'; ТМ **r'axiјn* 'печень', Тю **bagir* 'тж.' (ср. отсутствие огубленности в як. *быар*).

2. Консонантизм.

Моя реконструкция ПТМ **j*- предполагает для него два разных источника в ПА. Учитывая, что в случае соответствия ТМ **y*-, Мо **g*-, Тю **j*- имеются сближения с начальным носовым в Ур и драв., а в случае соответствия ТМ **y*-, Мо, Тю **ø* в Ур находим начальный гласный или **w*-, также учитывая наличие в ареале, географически близком к тунгусоманьчжурскому, засвидетельствованного фонетического перехода в *y* начальной гортанный смычки (ненецкий), условно восстанавливается в первом случае алт. **y*-, во втором алт. **'*-.

Алт. *-*m*(-)в Тю на конце слова > -*n* (возможно, отражаясь как -*m* в чув., см. Мудрак, Специфические дробления): ТМ **darama* 'поясница' – Тю **jaqrın* 'верхняя часть спины'; ТМ **etia-ge* 'ключица' – Мо **ejet* 'тж', Тю **egn* 'плечо'. Алт. *-*n* > Мо *-*j*-, Тю *-*n*-: Мо **kaj* 'передняя нога вместе с лопаткой' (но **kan-çi*j 'рукав' перед согласным суффикса), Тю **kajn-at* (ПА **kajñ-*); Мо **küji* 'пупок', Тю **kıñ* 'пупок'; Мо **küñt*, Тю **kıñ* 'ножны'.

ПА *-*z*-восстанавливается для Тю **z*, Мо **j*, ТМ **ž* (в отличие от ПА **ž*: Тю **j*, Мо **z*, ТМ **ž*); ср.: Тю **güzel* 'красивый', Мо **gojo*, ТМ **gužej*; Тю **kozi-* 'стремиться', ТМ **xiža-* 'выслеживать'; Мо **kije* 'воздух', ТМ **(x)ixa* 'холодный ветер'; Мо **deje-le-* 'плакать', ТМ **p'eže-*; Тю **boz-la-* 'реветь', Мо **buži-la-* 'реветь (о верблюде)'; Мо **köjögü* 'зоб', ТМ **xižiјk* 'мочевой пузырь'; Мо **aja-* 'боиться, стесняться', ТМ **aza-* 'лениться, скучать, надеяться'; (?) Тю **oz-* 'миновать', Мо **oj-* 'падать'; Мо **kejep* 'кромка ткани с обеих сторон', ТМ **xeže-* 'распарывать'; Тю **jilz* 'сустав', Мо *(ф)üje 'тж.', ТМ **p'üži-r-ga-* 'вывихнуть ногу, руку' (ПА **p'ügi-*, см. Старостин 1989); Тю **küz* 'осень', Мо **küjitün* 'холод'; (?) Тю **kuz* 'северный склон', Мо **kojun* 'зад, север'.

Кроме того, восстанавливается ряд срединных сочетаний.

1) Сочетания двух шумных:

ПА *-*kt'*-: ТМ *-*kt*-, Мо *-*t*-, Тю *-*t*- ; ПА *-*kp'*-, -*xp*-: ТМ *-*k*-, -*x*-, Мо *-*β*-, Тю *-*p*-.

ПА *-*tγ*-: ТМ *-*tγ*-, Мо *-*dk*-, Тю *-*dy*-

2) Шумный + сонант:

ПА поствелярный звонкий + сонант (*-*yR*): Тю *-*gR*-, Мо *-*yVR*- (вставной гласный равен предыдущему)⁶, ТМ *-*R*-

ПА *-*gr*- > ТМ *-*gd*-

3) Сонант + шумный:

ПА *-*jγ*-, (?) *-*dγ*- > Тю *-*j*-, Мо *-*γ*-, ТМ *-*j*-

ПА *-*rt*- > ТМ *-*gd*-

ПА *-*lk* в общетюрк. на конце слова > **z* (турко-чувацк. *-*l'k*-)

ПА *-*LKV*- в более чем двусложном слове (в частности, в конце глагольной основы) > **z*, *z*

ПА *-*LKV* в последнем слоге, если гласный – не **i*, > Тю *-*lč* (о внутритюркской рефлексии см. Мудрак Специфические дробления).

ПА *-*gz*- > ТМ *-*ž*-, Тю *-*gz*-

ПА *-*yz*- > ТМ *-*z*-

ПА *-*yr*- > ТМ *-*r*-

4) Сонант + сонант:

ПА *-*mr*- > Тю *-*dr*-, ТМ *-*nd*-

ПА *-*lj*- > ТМ *-*lj*- > **tyj*-, Тю *-*Uy* на конце слова

Ср. еще примеры компрессии срединного слога при конечном инициом гласном в Тю; при этом особое развитие в Мо:

ПА **p'alija* 'ладонь': ТМ **p'alipa*, Мо **palika*, Тю **afa*;

ПА **p'egerę-* 'большой палец': ТМ **p'eregen*, Мо **ferękei*, Тю **eręrek*.

Сходные случаи компрессии в тюрк.: ПА **k'avipa*, ТМ **xašipa*, Тю **kōjn* 'подмышка, пазуха'; ПА **tıjrıpu-*, Мо **turıjuł* 'копыто', Тю **tırp-ak* 'ноготь'.

Во второй главе названия верхней конечности (рука, плечо, ключица и т.д.) рассматриваются в типологическом аспекте. Названия частей верхней конечности представляют собой относительно автоном-

⁶ Так в Мо разрешается любое сочетание велярного с сонантами: ПА **zađiř* 'псынница' – Мо **zađari*, ПА **zıřiř* 'толень' – Мо **zıřiři*.

ную лексическую подсистему. В отношении синхронной семантики в большинстве случаев это чисто "топографические" слова; функциональный аспект скорее имеет отношение к их сочетаемости, чем к их значению. Однако по крайней мере в ряде языков соответствующая номинационная решетка включает член, для которого в толковании необходима функциональная часть, и при функционировании которого в языке эта функциональная часть значения играет главную роль, являясь основой для процессов метафоризации и возникновения фразеологических сочетаний. Это "функциональное" называет руки как активного органа – основного органа-посредника человеческой деятельности. Будучи самым функциональным и потому, в частности, самым употребительным, такое слово, очевидно, занимает центральное место в номинационной решетке. Обнаруживается также, что оно входит в особую оппозицию внутри номинационной решетки. Существует два типа такой оппозиции: а) 'рука как конечность (анатомический отдел), рука целиком, рука от кисти до плеча и под.' ~ 'активная часть руки – то, чем берут, пишут и под. (что анатомически равно кисти руки)'; б) 'рука целиком = рука как активный орган' ~ 'кость руки как анатомический отдел'. Рассматривается функционирование этих типов на материале современных и древних индоевропейских языков (который в синхронном отношении достаточно подробно обработан лексикографами). Выделяются следующие типы контекстов употребления слова со значением 'активная часть руки = анат. кисть': а) чисто "анатомическое" употребление (*la belle main*), б) контекст, описывающий некую работу (действие), производимую рукой, причем анатомически эта работа производится именно кистью руки; в) контекст, описывающий некую работу, которая с анатомической точки зрения совершается не только кистью руки, но и другими частями руки (*lever les mains au ciel*). В последнем типе употребление обусловлено именно значением 'активная часть руки', актуализируется функциональность производимого действия; ср. различные способы описания действия "скрестить руки на груди" в арабском, персидском, турецком и французском языках (во всех имеется противопоставление 'Hand ~ Arm' – тур. *el ~ kol*, перс. *dast ~ bazi*, араб. *yad ~ fadd*, франц. *main ~ bras*): на Ближнем Востоке, где этот жест означает приветствие, или вообще выражение почтения, используются слова *el* (*elleri kavuşturmak*), *dast* и *yad*; французский переводчик, для которого смысл жеста не актуализован, дает как бы его "анатомическое" описание: *croiser les bras* (см., например,

Dictionnaire Français-arabe-persan et turc, Moscou 1841, p. 594).

В языках со вторым типом оппозиции в контекстах а) и б) допустимо употребление наименования кисти *руки* как анатомического отдела, причем актуализуется именно анатомический характер употребления (в контекстах типа б) такая актуализация анатомического значения может быть связана с экспрессивной окраской речи – ср. аналогичную ситуацию с *Arm* в языках первого типа); в контекстах в) употребляется только наименование руки как активного органа (анатомически равного *Arm*).

Табл. 1. Распределение значений названий руки по контекстам.

	Тип 1	Тип 2
1. пластные кости, отрезать X, красивый X, удлиненный X	Hand	кисть/рук
2. трогать X-м, брать X-м (в частности, протягивать X, чтобы взять), шить X-м, писать X-м	Hand	рука (кисть – маркированно)
3. работать X-м, голосовать X-м, тянуть X, воздевать X	Hand (Arm маркированно)	рука
4. обнимать X-м, брать под X, отрезать X, длинный X	Arm	рука

Примечание.

В случае с маркированным употреблением *Arm* нам встретилось только употребление с коннотацией "высокого" стиля. Маркированное употребление 'кисти' может нести кк "высокую", так и "сниженную" коннотацию. Стилистически сниженное название кисти может употребляться для наименования лапы животного. Обратное явление – в языках с оппозициями обоих типов название лапы животного употребляется как стилистически сниженное название кисти руки (не *Hand*, так как не затрагиваются контексты типа 3) – рус. *лапа*, франц. *patte*, нем. *Tatze* – обычно в экспрессивно окрашенных контекстах. Налицо, таким образом, связь "анатомичности" термина с наличием стилистической окрашенности.

Еще одна важная типологическая дилемма – способ номинации передних ног животного. В части языков передние конечности живо-

ного отождествляются с нижними конечностями человека, а в части – о верхними конечностями человека. В первом типе, соответственно, при разделке у коровы окажется четыре голени и под.; нарушения обнаруживаются в применении к таким существам как обезьяна или в случаях, связанных с тотемистическим культом (в орк. передняя конечность медведя именуется "рукой"). В языках первого типа слово со значением 'активная часть руки = кисть', т.е. 'Hand', обозначая орган, присущий лишь человеку, не используется для наименования нижней части передней конечности живого тела; исключения – в тех же случаях, что указаны выше (аз. вл 'лапа обезьяны' и под.). Поэтому в языках с оппозицией 'Hand' ~ 'Arm' даже при этом типе имеется специальное слово для 'лапы'.

Решетка с оппозицией второго типа тесно связана с другой микросистемой: названиями ладони, горсти и кулака; название кисти входит в эту микросистему в качестве четвертого члена, образуя квадрат:

кисть руки	ладонь (внутренняя сторона кисти)
кулак (сжатая кисть)	горсть (сжатая ладонь)

Любые клетки квадрата могут объединяться при усечении одного из различительных признаков.

Поскольку обсуждаемая оппозиция включает наиболее функциональное слово решетки наименований частей верхней конечности, ее можно считать центральной для этой решетки. В дальнейшем типология семантических изменений в решетке строится с опорой на центральную оппозицию.

Для построения такой типологии в работе произведена реконструкция семантики и ее изменений в нескольких языковых группах: в иранских языках, в других индоевропейских группах и в общеиндоевропейском, в общеуральском. На основании этих реконструкций строится исчисление переходов между двумя типами центральных оппозиций. При изменении типа центральной оппозиции теоретически мыслимы следующие переходы:

'Arm' ⇒ 'рука'	'Hand' ⇒ 'рука'
('Arm' ⇒ 'кисть' исключается логически)	'Hand' ⇒ 'кисть'
'рука' ⇒ 'Arm'	('кисть' ⇒ 'Arm' исключается логически)
'рука' ⇒ 'Hand'	'кисть' ⇒ 'Hand'

Эти шесть возможных переходов классифицируются по типу изменения значения:

а) не меняется объем функционального значения :

'рука' ⇒ 'Hand'

'Hand' ⇒ 'рука'

б) приобретение функциональности (слово начинает стилистически немаркированно употребляться в контекстах типа 3):

'Arm' ⇒ 'рука'

'кисть' ⇒ 'Hand'

в) потеря функциональности (слово перестает стилистически немаркированно употребляться в контекстах типа 3):

'Hand' ⇒ 'кисть'

'рука' ⇒ 'Arm'

На имеющемся материале эти переходы проявляются следующим образом..

а) (изменение при сохранении "функционального" объема).

I. 'рука' ⇒ 'Hand' (при этом происходит сужение "анатомического" значения; в структурном отношении происходит замена центральной оппозиции вида 'рука' ~ 'кисть' на оппозицию 'Hand' ~ 'Arm').

1) Праиндоарийский и тохарский: старое название кисти исчезает; место решетки 'Arm' заполняется старым названием предплечья. Развитие явно носит ареальный характер.

2) Албанский: старое название кисти исчезает (сохраняясь в производном глаголе); место решетки 'Arm' заполняется старым названием предплечья. Судя по обилию лат. заимствований в алб. лексике, в том числе, среди наименований частей тела, сдвиг, скорее всего, произошел под влиянием облика латинской (романской?) решетки.

3) Восточноиранские: *dasta 'рука' переходит в 'Hand'; название кисти *gava уходит в соседнюю решетку, в которой обеспечивает вновь возникающее различие 'кулака' и 'горсти'. Место 'Arm' заполняется в северной группе старым 'Oberarm', в пущу – старым 'предплечьем'. Возникновение противопоставления 'кулак' ~ 'горсть', не свойственного индоиранским языкам, по-видимому, должно объясняться как контактное; отсюда естественно предположить ко-

нтактный характер для изменения центральной оппозиции.

4) В курдском сорани возникшая под персидским влиянием система *dəst* 'рука' ~ *pəncə* 'кисть' заменяется на *dest* 'Hand' ~ *qol* 'Arm', где *qol* – турецкое заимствование. *Pəncə* при этом начинает означать 'палец'. Развитие явно обусловлено контактно – турецким влиянием.

5) В армянском рефлекс и.-е. *gʰneH₂r- 'рука' *jern* получает значение 'Hand'. На место 'Arm' приходит наименование крыла, получая двойное значение 'крыло, Arm'. Члн решетки с такой семантикой – характерное свойство северозападноиранских языков; очевидно, в армянском такое развитие обусловлено парфянским влиянием.

6) В чешском и словинецком рефлексы слов. *gorka 'рука' получают значение 'Hand', в значение 'Arm' продвигается бывшее название 'Oberarm'. Название кисти, которое, судя по данным других славянских языков, было совмещено с названием кулака или ладони, очевидно, просто теряет совмещение. Развитие явно обусловлено германскими контактами.

7) В венгерском языке рефлекс общесиндоугорского *káte 'рука' *kéz* получает значение 'Hand', функцию 'Arm' получает булгарское заимствование.

Итак, этот тип изменения значения обычно бывает обусловлен влиянием контактных языков.

II. 'Hand' → 'рука' (расширение "анатомического" значения; в структурном отношении происходит замена центральной оппозиции вида 'Hand' ~ 'Arm' на оппозицию 'рука' ~ 'кисть').

1) Иранские языки югозападной группы: оппозиция 'Arm' *bāzu ~ 'Hand' *zasta заменяется на оппозицию 'рука' *dast* ~ 'кисть' *rātsa* (букв. "пятерня"). *Vazī* получает значение 'Oberarm'.

2) От праиранского к правосточноиранскому: оппозиция 'Arm' *bāzu ~ 'Hand' *zasta заменяется на оппозицию 'рука' *dasta ~ 'кисть' *gava (и.-е. "грубое" слово для названия кисти руки, в Авесте употребляющееся как название руки (Hand) демонических существ). По-видимому, переход осуществлен через потерю стилистической маркированности словом *gava.

3) Процесс в большинстве новоиранских языков (памирские, ятнобский, пушту, северозападные языки и диалекты), происходящий под влиянием персидского, таджикского и дари, при котором старые оппозиции типа *dasta 'Hand' ~ X 'Arm' заменяются оппозицией

*dasta/däst 'рука' ~ rātsa 'кисть'.

4) От пракельтоиталийского к пракельтскому: *tən- 'Hand' становится названием руки (что отразилось в значении производного *mata-tlo- 'сноп', а не 'жмени'). В клетку 'кисть' продвигается старое название ладони (с пальцами). Судьба неизвестного слова, означавшего в пракельтоитал. 'Arm', неясна.

5) Новоирландский: *lāt* 'Hand' становится названием всей руки, старое 'Arm' *doe* выпадает. В 'кисть' переходит старое "грубоё" название кисти (теряя стилистическую маркированность).

6) В древнеисландском законсервированное "высокостильное" слово для кисти *táld* в поэтическом языке "выталкивает" *hond* 'Hand' в значение 'рука целиком'.

7) в восточнобалтийских и славянских языках рефлексы *ranka 'Hand' получают значение 'рука'; в восточнобалтийских языках *irmo* 'Arm' выпадает, в славянских *ormen- переходит в 'Oberarm'. 'Кисть' заполняется старыми названиями ладони, кулака, описательными наименованиями.

"Немаркированный" тип развития, происходящий как по контактным причинам, так и в силу внутреннего развития (например, в силу изменения стилистической окраски слова на нейтральную).

б) (приобретение функциональности при сохранении "анатомического" объема).

I. 'Arm' → 'рука' (в структурном отношении оппозиция 'Arm' ~ 'Hand' заменяется оппозицией 'рука' ~ 'кисть').

Этот переход, по-видимому, крайне редок, встретился единственный раз, в сакско-осетинской системе. Насколько можно судить, старое 'Hand' *dasta при этом переходит в 'кисть' (реально процесс состоит в том, что часть контекстов, принадлежавших ранее *dasta, передаются рефлексу *arəta).

II. 'Кисть' → 'Hand' (в структурном отношении оппозиция 'рука' ~ 'кисть' заменяется оппозицией 'Arm' ~ 'Hand').

1) Латынь: *mātia* получает значение 'Hand', старое название руки *hest-* выпадает, на место 'Arm' встает старое 'предмечье' *ulna* или греч. заимствование (которое в греч. не значит 'Arm')! *brachium*.

2) От общекельт. к гайдельскому и бриттскому: *p̥l̥ma 'кисть' становится 'Hand', название руки *tən- выпадает; на место 'Arm'

встает старое 'Oberarm' или заимствование.

3) От протогерманского к общегерманскому и от протобалтославянского к общебалтославянскому: стилистически сниженное, по-видимому, наименование кисти (по внутренней форме 'хваталка') переходит в 'Hand', старое название руки *g'hēz- выпадает, на место 'Arm' встает старое 'Oberarm'.

Такой переход значения происходит, по-видимому, через утрату стилистической маркированности употреблений 'кисти' в контекстах типа 3 (см. табл. I). Поскольку старое слово 'рука' выпадает из языка (сохраняясь лишь в дериватах и переносных значениях) во всех рассмотренных случаях, такое выпадение можно считать необходимым атрибутом данного перехода. Выпадение столь "функционального" слова – весьма сильная пертурбация для языка; объяснение ее причины, скорее всего, кроется во внезапном передвижении сниженного стиля в нейтральный, связанном с изменением социолингвистической (и социальной) ситуации.

в) Этот переход распределяется по двум подпунктам б). Переход 'Hand' → 'кисть' – тот же случай (единственный), что переход 'Arm' → 'рука'. Можно было бы ожидать, что переход 'рука' → 'Arm' встречается при переходе 'кисть' → 'Hand', но, как отмечалось выше, оказывается, что такого развития не бывает. По-видимому, столь функциональное слово как 'рука' может потерять все свои функциональные контексты только выпав из языка (*NB*, что в случае перехода 'Hand' → 'кисть' за словом 'кисть' все-таки сохраняются функциональные контексты второй группы – см. табл. 1).

Имеется еще случай смены оппозиции 'рука' ~ 'кисть' на 'Hand' ~ 'Arm' при полной замене лексического наполнения. Это процесс в осетинском языке, основной шаг которого – замена функционального слова оппозиции заимствованием (из чеченского). Кажется, что для такого заимствования необходим не менее тесный контакт языков, чем для заимствования морфологического элемента.

В главе III полученные типологические данные применяются при реконструкции рассматриваемой лексической группы по отдельным группам алтайской семьи языков.

1. Тюркские языки. Рассматриваются этимологии ряда общетюркских слов, а также вторичных наименований, внедрившихся в рассматриваемую лексическую систему в отдельных языках. Лексическая сис-

тема для пратюркского восстанавливается в следующем виде.

"Спина": *bejlk 'поясница', *arka 'спина человека = верхняя часть спины' (то, на чем носит грузы человек), *sījrt 'спина животного' В чув. *arka 'спина человека' → 'спина вообще' (без противопоставления) → 'спина животного', вытеснившиеся только как ландшафтный термин; при этом оппозиция вновь образуется за счет перехода рефлекса *jagrin 'лопаточная часть спины' в название спины. В якут. оппозиция перестраивается вследствие монг. влияния: исчезает противопоставление по признаку 'человек/животное' (и рефлекс слова *sījrt), основным названием для спины становится слово со значением 'горный хребет, спинной хребет', слово arka получает значение 'верхняя часть спины человека, загривок животного'. В прочих языках оппозиция постепенно стирается; существенно, что в гораздо большем числе случаев это происходит за счет расширения значения *arka, таким образом, представляющего собой основное наименование спины.

Общетюркское название собственно позвоночника *otrig-tka – производное от глагола *otrig- 'разламывать по суставам'.

"Плечо": реконструкция производится по подгруппам.

1) Для чув. восстанавливаются *sekł 'загривок человека'; *eigze 'загривок вообще, в частности, животного'; *otni 'грудина'; *ögl 'плечо (Schulter)' сохранилось внутри сложения, буквальное значение которого, по-видимому, ('Achsel'); *ugrīn 'верхняя (от пояса) часть спины'. Рефлекс *kebrē отсутствует; 'лопатка' именуется вторичным образом:

2) Для лингвогеографической общности, составляемой ног., каз., ккал. и кирг. языками, устанавливаются следующие значения: *eigze 'загривок человека' ('загривок лошади'); *yäl, других животных *cigte, общетюрк. 'затылочный бугор'; *ägn 'плечо (Schulter)'; *ugrīn 'лопаточная часть спины = задняя часть плеча'; как реликт сохраняется *kebrē 'лопатка'; отсутствует рефлекс *cEkn; отсутствует рефлекс *otni, для обозначения 'грудины' используется рефлекс *ötgen или монгольское заимствование.

3) Группировка, состоящая из кум. и кбал. языков ("домонгольские кыпчаки"): *eigze 'загривок = затылок'; *ägn 'плечо = Schulter', причем вначале от него образуется сложение со значением 'Axel' (*NB*, что выражение такого значения характерно для иранских и финноугорских номинационных решеток, но отсутствует в монго-

льских); впоследствии (ввиду развития монгольских контактов?) это сложение получает значение 'плечо (*Schulter*)', притом, что *ägp как самостоятельное слово становится неупотребительным. **otai* 'плечо (передняя часть?)'; **yagrīn* 'лопаточная часть спины = лопатка'. Рефлексы *cEkn и *kebrē отсутствуют. Сюда же, по-видимому, относится караимская система.

4) Кыпчакские языки Поволжья: *kebrē 'загривок человека'; *eīuze 'загривок (в частности, животного) = затылок'; *ägn 'плечо (*Schulter*)', с таким же развитием, как в предыдущей группе; *yagrīn 'лопаточная часть спины = лопатка'; рефлекс **otai* отсутствует; *ötgen 'грудина'; рефлекс *cEkn отсутствует. Общий для кыпчакских языков факт – устранение особого наименования лопатки.

5) Огузские языки: общая особенность – основное название плеча означает заднюю часть плеча; так, для *ägp восстанавливается значение 'загривок человека; плечо'; для **otai* 'плечо (*Schulter*)' с последующим переходом в 'плечо = задняя часть плеча'; *cEkn 'мышцы загривка'; *eīuze 'загривок'; *yagrīn 'передняя часть спины лошади' (соответствующая часть тела человека получает название *ägn); *kebrē 'лопатка'.

6) Карлукские языки: *ägp отсутствует как название части тела (в узб., видимо, влияние старого литературного языка); то же можно предположить в отношении **otai*; *yelke 'загривок = плечо' (т.е., как и в огузских языках, под плечом подразумевается задняя часть плеча); *eīuze 'затылок' (различие в номинационной решетке затылка и загривка здесь может быть обусловлено иранским влиянием); *yagrīn 'лопаточная часть спины'; рефлекс *kebrē отсутствует (наименование лопатки описательное); рефлекс *cEkn отсутствует.

7) Северо-восточные языки (исключая якутский): рефлекс *cEkn отсутствует; *eīuze 'загривок = затылок' (впоследствии возникает различие за счет заимствования *nitke 'затылок'; в тув., тоф., хак., сюг., шор., чулым., однако, различие вновь теряется, *nitke начинает означать 'затылок = загривок', а *eīuze выпадает; впоследствии в тув. вновь возникает различие за счет заимствования амурско-тунг. слова *nikču > чушкуу, см. Дыбо Ур3). *Ägn 'плечо = Schulter'; *yagrīn 'лопатка = лопаточная часть спины'; рефлекс **otai* отсутствует, для обозначения грудины используются заимствования.

8) Якут.: рефлекс *cEkn отсутствует; *ägn 'верхняя часть спины

от поясницы'; *yagrīn 'плечо = лопатка'. Наименования загривка вторичны.

На основании реконструкции по подгруппам делаются следующие выводы. Во всех реконструируемых решетках отсутствует номинат 'ключица'. В современных языках это значение выражается описательно в огузской группе, в прочих группах вторичное наименование создается часто за счет монгольского заимствования. Можно предполагать здесь следующее развитие. Отсутствие номината 'ключица' характерно для иранских номинационных решеток, где соответствующее понятие выражается обычно как "плечевая кость". Тюркские системы могли заимствовать этот способ называния (ср. ног., хак.), следствием чего и является наличие в нашей результирующей таблице двух входений, претендующих на реконструкцию значения 'плечо': *ägn и **otai*. По-видимому, для последнего следует восстанавливать значение 'ключица'. Монгольские номинационные решетки, напротив, предусматривают наличие специального номината 'ключица'; вследствие монгольских контактов в языках северо-востока (также в чагатайском) возникают новые названия ключицы (як., тув., чаг. из 'шейный позвонок', як. из 'ребро', хак., чаг. из 'грудина', алт. из 'подкова'). В кыпчакских и узбекском просто заимствуется монг. слово (*otärag). Примечательно, что в уйг. наблюдается влияние иранской решетки, кот. оруму предшествует влияние монгольской решетки, а именно, ключица называется мурэ устихи 'плечевая кость', причем мурэ – монгольское заимствование; для общекарлукской решетки восстанавливается объединение 'плеча' и 'загривка', что не характерно ни для монг., ни для тадж. Впоследствии вновь производится разделение в уйг. за счет заимствования из монг. мурэ, а в узб. за счет заимствования из тадж. кифт 'плечо'.

По-видимому, следствием монгольского влияния является и потеря в большинстве решеток особого входления 'лопатка' и возникновение объединенного номината 'лопатка = лопаточная часть спины' (ср. монг. *dalu*).

Итак, значения слов для пратюркского восстанавливаются следующим образом. *Jał 'подгривный жир лошади' (и, вследствие регулярной метонимии, 'грива'); *jelke уменьш. к 'грива' (со всем вытекающим набором употреблений); *eīuze 'загривок = затылок' (т.е., соответствующая часть тела животного); *cEkn 'мышцы загривка' (возможно, загривок человека); *ägn 'плечо-Schulter'; *yagrīn 'лопатка = лопаточная часть спины'.

чная часть спины'; *kebtē 'лопатка'.

Для номинационных решеток булгар, домонгольских кыпчаков и кыпчаков Поволжья предполагается наличие номината 'Achsel'; его возникновение можно связать с финноугорскими контактами тюркских племен, участвовавших в булгарском передвижении народов.

Не требует особого обоснования реконструкция значения 'пазуха' для *kōjn и 'подмышка' для *koltuk. Ввиду точечного распространения лишь приблизительно восстанавливается значение *öölp. Значения в современных языках дают варьирование между 'ключицей' (готноалт., кбал.), 'плечом' (уйг. *диал.*) и 'Oberarm' (саянские языки). Выше уже приводился материал, указывающий на тенденцию заполнять вновь создающуюся (под монг. влиянием) клетку решетки 'ключица' самыми разнообразными путями. Условно, учитывая имеющийся разброс и значение слова в ср.-уйг., можно восстанавливать его для пратюрк. как 'Achsel'.

"Рука". 1) Слово *kar-ⁱ первоначально значило 'предплечье' в среднеазиатском ареале; это следует из того, что оно вошло в иранскую по происхождению систему мер, став эквивалентом *gaz*, т.е. "аршином", базовое антропометрическое значение которого - "длина предплечья". На остальной тюркской территории функционирование его в качестве меры - "аршина" - следствие иррадиации среднеазиатской метрологии. За исключением метрологических употреблений в ряде языков рефлексы *kar- обнаруживают значение 'верхняя часть руки'. Огузско-северовосточный территориальный разброс указывает на архаический характер этого значения. В прочих языках названия плечевой части руки новые; они либо заимствованы из контактных языков, либо произведены от названия плеча. Наблюдаемое в саян. группе употребление в этом значении *öölp, будучи интерпретировано как развитие 'Achsel' ⇒ 'Oberarm', оказывается сходным с уральским типом - см. *rakta UEW 355. В чув. названием 'Oberarm' становится старое слово для 'Арм' (с изменением центральной оппозиции, см. ниже).

2) Практически по всей территории наблюдается новообразование: название меры длины "в локоть" функционирующим в языке словом для 'локтевого сгиба'. В чув. такой метрологический термин возник дважды: чике (сохранившийся уже только как название меры) и чикс. Соответствующая модель является как праиранской, так и праиндоевропейской. Условно реконструируются *saŋkun- 'локоть челове-

ка' и *tirsegek 'локоть животного' (учитывая, что в пратюрк. явно различались названия передних и задних конечностей животного).

3) В большинстве языков *bilek обозначает 'предплечье' и 'запястье' (NB позднее развитие в иранских языках: *bāndi-dāst* букв. "сустав кисти руки", в тадж., перс. означает также 'предплечье'; тюрк. влияние?) Оппозиция 'предплечье' - 'запястье' обнаруживается а) в тат., башк. : беләж ~ беләзек (букв. 'браслет'); б) в виде *kar- ~ *bilek: в як., тув. (но в тоф. кыры 'кость предплечья'), сюг. (где карсыым 'кость предплечья'), алт., лобн. (*qaJa* 'кость предплечья животного'), уз. (также часть тела животного), туркм. (диал. *кары* 'предплечье животного'; ср. *гошар* < *kōz-kar⁷, которое уже означает и 'предплечье', и 'запястье'), башк. (*куштар*), казах. (разделочный термин), ккал. (и в названии кости). В целом оказывается, что для рефлексов *kar- в значении 'предплечье' можно предполагать первоначальное значение разделочного термина, с переносом на часть тела человека ради обеспечения различия 'запястья' и 'предплечья'. Учитывая до сих пор сохраняющуюся культурную общность тюрок, допускающую широкую иррадиацию культурных терминов⁸, можно предположить такое развитие: раннее изменение центральной оппозиции в восточнотюркских языках Средней Азии, по-видимому, произошло не независимо от влияния восточноиранских языков этой территории, и, прежде всего, сакского (см. ниже о центральной оппозиции). При калькировании сакской решетки в них должно было возникнуть особое название предплечья из названия верхней части руки, по образцу той же сакской решетки, имевшей обозначение для предплечья *sanga, и не имевшей обозначения для верхней части руки (общеиран. *агэта в общевосточноиранском стало обозначать 'Арм', а в сакском - всю руку). Возможно, что в среднеазиатском культурном котле (в частности, центре развитого скотоводства) возник и соот-

⁷ Сложение *kōz-kar, букв., 'сдвоенное kar', должно было первоначально обозначать кости предплечья; NB, что употребление слова для названия костей указывает на старое функционирование в роли разделочного термина.

⁸ Ср. заимствование разделочного термина *qaqi* в северномонг. языки.

вествующий разделочный термин, впоследствии распространившийся по всей тюркской территории. Позже подобным же образом (уже после западноиранско-турецких контактов) распространился метрологический термин *qat*.

Итак, реконструируются следующие названия частей руки: **kar-* ‘Oberarm’, **saʃkat-* ‘локоть’, **tiragek* ‘локоть животного’, **bile-* ‘предплечье, запястье’.

Центральная оппозиция. По виду центральной оппозиции современные тюркские языки распадаются на несколько типов. На периферии (огуз., включая салар.; слуг.) имеется оппозиция ‘Hand’ ~ ‘Arm’, противопоставление между лексемами, восходящими к пратюрк. **älg* и **qol*. В якут. и чув. наблюдается, по-видимому, переход от системы “огузского” типа к системе, при которой рефлекс **älg* обозначает всю руку (причем появляются вторичные способы называния ‘кисти’), а рефлекс **qol* уходит из рассматриваемой оппозиции. В ряде новоуйгурских диалектов Синьцзяна **kol* ‘вся рука’ ~ **älg* ‘кисть руки’. В большинстве тюркских языков представлены системы, в которых рефлекс **älg* отсутствует, ‘рука’ – рефлекс **qol*, а кисть руки обозначается метафорически или с помощью заимствованного слова. Особая ситуация имеется в ряде языков юго-восточной группы – здесь нет специального наименования для кисти руки; и “рука”, и “кисть руки” обозначаются одинаково *kol*, причем *kol* в последнем значении, как и нормальные названия кисти, имеет свойство становиться названием пальца. Подобная же картина наблюдается в географически близких кыпчакских языках (при наличии вторичного наименования кисти).

Что касается памятников, в них засвидетельствованы следующие ситуации. В др.-ти. (рун.) встретилось только *älg* (что естественно, так как слово с функциональным значением более частотно). В др.-уйг. наблюдается противопоставление *älg* ‘Hand’ ~ *qol* ‘Arm’. Памятники ср.-уйг. типа разбиваются на две группы: 1) (представлена та же оппозиция, что в др.-уйг.); 2) переходная система: с одной стороны, представлены многочисленные употребления *el*, *elig* в функции ‘Hand’; с другой стороны, среди употреблений *qol* имеются такие, которые говорят о расширении его функций на контексты типа 3 и 2. Этому второму типу в дальнейшем следуют все прочие средневековые памятники, опирающиеся на среднеазиатскую литературную традицию. Если учитывать территориальное распределение типов оппозиции в современных тюркских языках, естественно предположить,

что в языках карлукской и кыпчакской групп в XII–XIII вв. происходил постепенный переход от оппозиции *qol* ‘Arm’ ~ *älg* ‘Hand’ к оппозиции *qol* ‘рука’ ~ *elig* ‘кисть’, причем в литературных памятниках еще долго функционировала “древнеуйгурская” оппозиция, при том что в отдельных употреблениях в них постепенно просачивалась новая оппозиция. Ср. отсутствие *el/elig* как функционального слова в кыпчакских памятниках менее литературного характера: половецк. и армяно-kyпчакск. Явление перехода от оппозиции ‘Hand’ ~ ‘Arm’ к оппозиции ‘рука’ ~ ‘кисть’ через семантический переход ‘Arm’ ⇒ ‘рука’ типологически редко; единственный засвидетельствованный выше случай относится к той же среднеазиатской территории, это развитие в скифско-сакской группе иранских языков. Можно полагать, что тюркское развитие не независимо от этого иранского. Далее, однако, сходство кончается. В осет. и сак. старое название ‘Hand’ становится названием кисти и продолжает функционировать в этом значении. Но в большинстве тюркских языков процесс идет дальше: рефлексы **älg* в значении ‘кисть’ почему-то исчезают. На их место в части случаев встают заимствования, в части случаев – вторичные наименования с прозрачной мотивацией, а в языках карлукской группы соответствующее место решетки вообще остается пустым. Причину неустойчивости слова **älg* в значении ‘кисть’ определить не удается (возможно, в связи с отсутствием типологического материала по данному типу развития); можно выдвинуть предположение, что она связана с наличием в контактной решетке обозначения фаланги пальца (или ширины пальца) **Eälg*, рефлексы которого в большинстве языков оказывались омонимичны рефлексам **älg*. В тюркских языках, имеющих особое название для ‘большого пальца’, постоянно работает механизм перехода ‘кисть’ ⇒ ‘палец’, и возникают все новые обозначения кисти без стены *типа оппозиции*. Такая картина ожидалась бы и в среднеазиатском ареале, в восточно-кыпчакских и карлукских языках, где имеется особое название большого пальца **rətgał*. При том, что в восточно-кыпчакских языках имеются названия пальца, восходящие к названию кисти, и в них, и в карлукских языках наблюдается возникновение значения ‘палец, пальцы’ у названия всей руки *qol*. Оно может быть следствием взаимодействия собственно карлукских и кыпчакских систем. На периферии тюркской территории исконная оппозиция *qol* ‘Arm’ ~ *älg* ‘Hand’ сохраняется дольше; в огузских языках она существует и поныне; в якутском и чувашском она устраниется более рас-

пространенным, чем рассмотренный выше, способом, переходом 'Hand' → 'рука' и уходом старого 'Agtm' из центральной оппозиции. Возможно, в чuv. это происходит под действием финноугорских контактов (ср. заимствование названия кисти), а в якут. – тунгусских и монгольских.

2. Монгольские языки. По недостатку материалов реконструкция фактически выполняется только для прасеверомонгольского состояния.

"Спина": *nir̥iŋul 'спина, позвоночник', *n̥igur/vil 'позвоночный мозг, шейные позвонки', *æ̥g̥et 'верхняя часть спины, грудные позвонки', *zayari 'круп' (значения восстанавливаются тривиально).

"Плечо": törg̥t сохраняет значение 'плечо' в языках северной группы. В языках южной группы происходит объединение номинатов 'лопатка, лопаточная часть спины' и 'плечо', и слово *mörg̥t выпадает. *Dalu 'лопатка = лопаточная часть спины'. Восстанавливается значение 'ключица, ключичная часть груди животного' для *otög̥i и 'ключица, передняя часть плеча человека' для *ejet. Тривиально восстанавливаются названия подмышки (*vili) и пазухи (*ebür). Для специфического разделочного термина *kai восстанавливается правильное значение 'крыло' (при том, что все монг. названия крыла – отлагательные имена и, следовательно, новообразования).

"Рука": *bagi- 'плечевая часть руки и передней конечности животного', *čarba- 'предплечье/лучевая кость руки и передней конечности животного, запястье'; *sile- 'ладыжка, запястье'. И к 'ноге', и к 'руке' может также относится слово *bulčin 'мышцы конечностей'. Возможность такой двузначности указывает на наличие в прошлом системы с отождествлением передних и задних конечностей животного. При переходе на этот, более глубокий уровень реконструкции мы получаем серию терминов для частей передних и задних конечностей животного: *köl 'передняя/задняя нога', *sile- 'лучевая/малая берцовая кость', *bulčin 'мышцы конечностей'; для этого же уровня восстанавливаются *gar 'рука', *bagi- 'Oberarm', *čarba- 'предплечье, запястье' как названия частей тела человека.

Центральная оппозиция во всех языках – *gar 'рука' vs X 'кисть', притом, что заполнения для значения кисти руки во всех языках разные и вторичные. Видимо, протомонгольским названием кисти руки было впоследствии умешнее в название пальца (противопоставленного названию большого пальца *ferekei) *kurgiŋul.

3. Тунгусо-маньчжурские языки.

"Спина". Восстанавливается общеюжно-ТМ система названий частей спины, имеющая специальные названия для спины человека; специальные названия для отделов позвоночника; специальные термины для рыбы; слабо развитую топографию: *arkan 'спина человека' (vs *niegde 'позвоночник человека'); *darama 'спина животного = поясница' vs *niri 'позвоночник'; *tööl- 'шея' vs *nika- 'шейные позвонки'; *sigde 'спинное сухожилие = тип юколы' vs *jikori 'позвоночник юколы'.

Протом. решетка не сводится к этой системе и очень близка к монгольской (см.).

Нег. система сдвинута по направлению к амурской, но в прошлом имела более развитую топографию.

Протоэвенская система: система со специальным словом для спины человека, с развитой топографией и отсутствием противопоставления названий частей спины и частей позвоночника: *arkan 'спина человека = хребет человека'; *niegde 'передняя часть спины = передняя часть хребта животного'; *niri 'спина = позвоночник'; *darama 'поясница, поясничные позвонки'; *nika- 'шейные позвонки'; *jikori 'скелет, кости'. Неясно соотношение значений *sigde и *niegde; оба могут называть переднюю часть спины/позвоночника животного; они распределены по диалектам.

Для общеэвенкийского восстанавливается система с максимальным различием, но уже "сбитая" вторичными процессами: *arkan 'спина человека' *tööl- 'шея' vs *nika 'шейные позвонки'; *niegde 'грудные позвонки' *rogdon- 'спина животного' vs *niri 'позвоночник'; *darama 'поясница' (vs общеэвенк. заимств. күгdi). *sigde 'мясо с позвонков' (на более ранней стадии какой-то отдел позвоночника); *jikori ' спинной мозг/позвоночник'; *fūčika/furka ' спинной мозг, сердцевина растения'.

Итак, мы имеем две системы, построенные по противоположным принципам (прото-южную, с неразвитой топографией и противопоставлением 'спина' – 'позвоночник', иproto-эвенскую, с отсутствием такого противопоставления и развитой топографией); по сравнению с ними эвенкийская система явно архаична; определенные архаизмы наблюдаются также в маньчжурской системе, развившейся по монгольскому образцу. Из сравнения восстанавливается система с максимальным различием: *arkan 'спина человека' vs *niegde 'позвоночник' че-

ловека'; **toi-* 'шея' vs **nīka* 'шейные позвонки'; **faјea* 'верхняя часть спины животного, загривок' vs **sigde* 'грудные позвонки животного'; **sogdon-* 'спина животного' (vs **nīri* 'позвоночник животного'); **daram-* 'спина животного, поясница'; **jikori* ' спинной мозг' (значение сохраняется в І-Т диалекте эвенкийского и в ма.).

Задимствование особого слова для позвоночника животного, по-видимому, произошло как следствие автономизации названий частей спины человека и животного; по этой же причине в части северных языков стало названием позвоночника старое название спинного мозга, а для замещения функций последнего появилось самодийское заимствование. Сама эта автономизация, скорее всего, происходит вследствие изменения статуса разделочной терминологии. Можно, следовательно, предполагать для **niegde* более раннее значение 'позвоночник'.

Рука. Наименования частей руки и ноги (при отождествлении передней ноги животного с ногой человека в ПТМ) восстанавливаются путем применения ареальных методов. Предлагаемая система ПТМ языка:

Верхние конечности: I - плечевой пояс: 1) 'плечо' **tuјre-*, 2) 'верхняя часть спины = лопатка' **faјsa-*, 3) 'собственно лопатка' **kende-*, 4) 'ключица' **erikke-* или **etide-*; 5) 'подшайная ямка' **žulp-kun*, 6) 'подмышка = пазуха' **xašit-ut*; II - плечевая часть руки: 1) общее название, видимо, равно 'плечу'; 2) плечевая кость **daga-*, 3) мышцы **čilči-*; III - 'локтевой сустав' **xiјtčen-*; IV - предплечье: 1) общее название **čaka-*, 2) 'лучевая кость' **ile-*, 'локтевая кость' **sira-* (или 'двойная кость' **sira*), 3) мышцы **tiža-*; V - 'сустав запястья = конец предплечья' **bile-*.

Нижние конечности: I. - 'зад, ягодица' **iga-/fika-*; II - бедренная часть: 1) общее название **ogo*, 2) кость **daga-*, 3) мышцы **tałpi-*, (плюс передняя часть **boxa-*, передняя часть при сидячем положении **belge-*); III - колено: 1) 'коленный сустав = передняя часть голени' **fejje(n)-*, 2) 'коленная чашечка' **dilew-* (возможны еще какие-то смысловые различия: **tobki*, **taki-*, **čime-*); IV - голень: 1) общее название **xolju-*, 2) 'большая берцовая кость' **sira-*, 'малая берцовая кость' **ile-* (или 'двойная кость' **sira*), 3) икра **tiža-*, 4) 'ладыжка' **faјha-* (возможны еще какие-то смысловые различия: **tobki*, **čime-*).

Совпадение названий костей для руки и ноги говорит, по-види-

мому, об их принадлежности к разделочной терминологии, отождествляющей переднюю и заднюю ноги животного.

Центральная оппозиция. Во всех ТМ языках центральная оппозиция имеет вид 'рука' ~ 'кисть руки'; 'рука' везде обозначается рефлексами слова **dala*/**dalga*, а наименования кисти различны. Разнообразие и вторичность наименований кисти при наличии общетМ названия рукава с пратунг. (но не праалт.) суфф. *-kæs : **xolkæs* указывают на вторичное развитие этого типа центральной оппозиции, по-видимому, в связи с влиянием окружающих языков (ср. ситуацию в уральских языках); для прото-ТМ, таким образом, восстанавливается оппозиция **xöł-* 'Arm' ~ **dal(g)a* 'Hand'.

Восстанавливаются также 'ладонь' **faliya*; два немотивированных названия кулака **ň/žurga* и **biantu*; название лапы животного **g/čafa-*.

В главе IV, исходя из приведенных выше частных реконструкций по трем алтайским семьям, реконструируется праалтайская лексическая группа анатомических терминов, относящихся к верхним конечностям. Ниже представлен список праалтайских лексем:

1. **bałgæt*: Тю. **jaғrın* 'лопаточная часть спины'; ТМ **darama* 'спина животного, поясница'. 2. **arkəz*: Тю. **arka* 'спина человека'; ТМ **arka-n* 'id.'. 3. **sigde* (<**sir-de* < **siyr-*) 'грудные позвонки животного'. 4. **zagrz*: Тю. **sagri* 'круп животного, кожа на крупе'; МО. **zaŋari* 'id.'; ТМ **sogdon-* (<**zagru-*) 'спина'. 5. **nikor-*: МО. **nigur-* 'шейная часть позвоночника' (место, в которое закалывают животных); ТМ **jikori* ' спинной мозг'. 6. **nier-*: МО. **niri-juŋ* 'позвоночник, спина'; ТМ **niegde* < **nier-de* (с локативным эфф.) 'id.'; др.-турк. рунич., др.-уйг. *jiř* 'север, левая сторона' (= 'сзади'). 7. **beilke*: Тю. **beilk* > **beil* 'поясница'; МО. **belke-ju-sun* 'id.'; ТМ **belge* 'лоно, колени' (на которые сажают детей). 8. **oјna-*: МО. **onai* 'After, Steiss'; ТМ **oјna-piŋ* 'пояс'. 9. **p'aјsa*: Тю. **Eijze* 'загривок'; ТМ **faјsa* 'лопаточная область спины животного'. 10. **dalı*: Тю. **jäl* 'подгривный жир у лошади'; МО. **dalı* 'лопатка, задняя часть плеча'; **dalı-n* (адъективная форма) 'подгривный жир у лошади'. 11. **kemřE*: Тю. **kebge* 'лопатка'; ТМ **kende* (<**kemre*) 'id.'. 12. **ňiaka*/**ňajka*: Тю. **jaka* 'воротник'; МО. **žuga-l* ' пятна на лопатках животных'; ТМ **nika-n* < **ňajka* 'шейная часть позвоночника'. 13. **Daga*: ТМ **daga-* 'плечевая кость'.

14. **del-*: Тю. **jel* 'грива'; Мо. **delin* 'id.'. 15. **ötm-Hen*: Тю. **ömgen* 'кадык, горло (с внешней стороны)'; ТМ **üñgen* 'id.'. 16. **kenk-(rek/tirek)*: Тю **kekrek* 'мягкие ребра, грудина', Мо. **kenk-* 'передняя часть тела животного'; ТМ **kenk-t-* 'тж.'. 17. **eutm*: Тю. **ägn* 'плечо'; Мо. **euet* 'ключица, передняя часть плеча человека'; ТМ **eui-* 'ключица'. 18. **otui-*: Тю. **otuq* 'ключица'; Мо. **oturiy-* 'верхняя часть груди, ключица животного'. 19. **erü-*: Тю. **erin* 'туба' (см. ЭСТЯ I 292-293); Мо. *erü-yün* 'нижняя челюсть'; (?) ТМ **eru-ken* 'ключица'. 20. **möire-*: Мо. **möri-* 'плечо'; ТМ **muire* 'id.'. 21. **çeke-*: Тю. **çekn* 'часть плеча близко к шее, мышца загривка'; Мо. **çede-rei* 'часть грудины; мясо у позвоночника', **çede-deg* 'короткая одежда'. 22. **töil-(gž)*: Тю. *töö* 'грудь'; ТМ **tuijen* < **tuilgen* 'id.'; маньчж. *tulu* 'грудь лошади'. 23. (?) **öil-eg*: Тю. **öö(y)n* 'плечевой сустав'; ТМ **i/uileg* 'лучевая кость, малая берцовая кость'. 24. Мо. **bati-* 'плечевая часть руки'. 25. **gar*: Тю. **gar* 'плечевая часть руки'; Мо. **gar* 'рука'. 26. **ça(j)k-a-*: Тю. **ça(j)kan-* 'локоть'; ТМ **çaxa-* 'предплечье'. Несколько соотношение гласных в Тю и ТМ; возможно, в ТМ метатеза перед гуттуральным, **ça(j)xa* > **çiaxa* > **çaxa?*. 27. **bile-*: Тю. **bilek* 'запястье, предплечье'; ТМ **bilen* 'запястье'. 28. *tirsakt*: Тю **tirk-äk* 'локоть животного'; ТМ **tiçakt* 'мышцы предплечья, голени'. 29. **sil-*: Мо. **sile-(be)* 'лучевая/малая берцовая кость'; ТМ **cil-ki-* (маньчж. рефлекс отсутствует) 'мышцы плечевой части руки'. 30. **tirma-*: Тю. **tirma-* 'царапать' ЭСТЯ III 345-349 (мы отделяем этот глагол от частично сконтаминированного с ним **türjak* 'ноготь', имеющего другую параллель - см. ниже); Мо. **çarpa-* < **tırba-* (+ отлагольные аффиксы) 'предплечье, запястье'. 31. ТМ **xıjben* 'локоть'. 32. **kaft-*: Тю. **kafta-t* 'крыло'; Мо. **ka-* 'передняя нога животного с лопatkой', **kan-çui* 'рукав'. 33. **bulž-*: Мо. **dulči* 'мышцы конечностей', ТМ **dolža* 'нарукавник'. 34. **zığra-*: Тю. **zığrak* 'обе голеные кости → две кости в копыте жвачных животных'; Мо. *zığra* 'id.' (см. ЭСТЯ VI); ТМ **zığra-* (< **sigra*) 'локтевая кость, толстая кость голени' (или 'двойная кость голени/предплечья'). 35. **ñulyi-*: Тю. **ñulyj* 'костный мозг, спинной мозг', ТМ **ñigji* < **ñulji* 'трубчатая кость'. 36. **ñimö-*: Мо. **çimii-gen* 'костный мозг, трубчатая кость'; ТМ **çime-* 'костный мозг, одна из костей в ноге' (маньчж. рефлекс отсутствует); Тю. **simgök* 'трубчатая кость'. 37(?). **k'atái-*: Тю. **kämi-k* 'мозговая

кость'; Мо. **kemi-* 'id.' ; ТМ **xomNon* < **xamti-Nan* 'костный мозг трубчатых костей'. 38. ТМ **fora-kt* 'плечо, кость крыла'. 39. **k'öl*: Тю. **k'ol* 'верхняя часть руки, arm' (задний ряд гласного, по-видимому, обусловлен контаминацией с **k'oltuk* 'подмышка'; Мо **köl* 'нога, leg'; ТМ **xol-kse* 'рукав'. 40. **algá*: Тю. **alg* 'рука, hand'; ТМ **yal(g)a* 'рука'. 41. **k'olts*: Тю. **koltuk* 'подмышка'; ТМ **xoldo* 'бок'. 42. **k'ashir(z)*: Тю. **kojn* 'пазуха, подмышка'; ТМ **xawidj* 'подмышка'. 43. Мо. **zırti* 'подмышка'. 44. Мо. **edür* 'пазуха'. 45. **k'ırti-*: Мо. **kırtırip* 'палец'; ТМ **xırtı* 'горсть', Ма. *ırıp* 'мера длины, шириной в палец', южно ТМ *-*ırı* счетный аффикс для мер длины, означающих "шириной во столько-то пальцев", ТМ **xırtı-p* (адъективная форма) 'копыто'. 46. **p'alipa*: Тю. **aşa* (< **alipa*) 'ладонь'; Мо. **falika* 'id.' ; ТМ **falipa* 'id.'. 47. **nırıbruka*: Тю. **nırıbruk* 'кулак'; Мо. **nırıurga* 'id.' ; ТМ **nırıka*/**żurka* 'id.' См. VGAS 39, 101, 118, 130, 138; ср. ЭСТЯ IV 249. 48. ТМ **xiantu* 'кулак'. 49. ТМ **xıtutu* 'тыльная часть кисти руки, плюсна ноги'. 50. **p'atız*: Тю. **adri-ç* (> a) **ajris* >*çalis* b)**adıç*) 'горсть'; Мо. **fadıku* 'тж.'; ТМ **fatıça* 'ладонь лапы животного'. 51. **p'ärjäjä* ~ **paraya*: Тю. **ärtjäk* 'большой палец' ~ **raträk* 'палец' ; Мо. **ferekei* 'id.' ; ТМ **ferepen* 'id.'. 52. ТМ **k'ınakan* 'палец'. 53. **çimic* -: Тю. **çimic-* 'мизинец'; ТМ **çimic-ken* 'id.'. 54. Мо. **zige-* 'мизинец'. 55. **türyu-*: Тю **türy-ak* 'ноготь'; Мо **turjun* 'копыто' (контаминация с **tugur-* 'копыто', родственным с Тю. **tujak* 'id.'). 56. **Eilgi-*: Тю. **Ejlig* 'фаланга пальца'; ТМ **nırı* < **ŋEilgi* 'id.'.

Для реконструкции ПА системы строятся таблицы сравнения номинационных решеток по каждой из трех рассматриваемых алтайских семей.

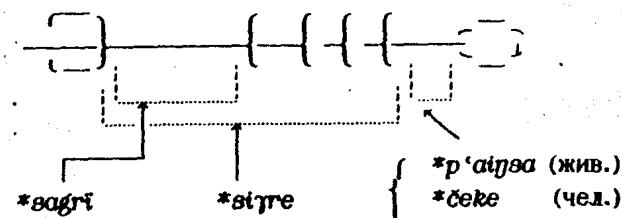
1. Спина.

Табл. 1.

Значение	Тю	Мо.	ТМ
спина человека	* <i>arka</i>	-	* <i>arka</i>
спина животного	* <i>zırgz</i>	* <i>nier-</i>	* <i>sagrz</i>
позвоночник	[<i>ojurtka</i>]	* <i>nier-</i>	<i>nier-</i> (чел.)
спинной мозг	(<i>julip</i>)	<i>nikori</i>	* <i>nikori</i>
шейная часть позвоночника	-	* <i>nikori</i> (животного)	<i>naka</i>

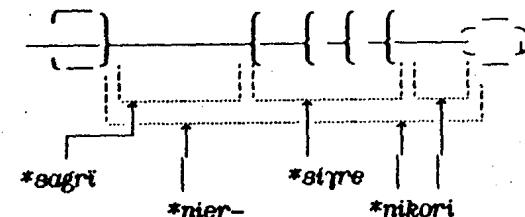
верхняя часть спинны животного, загривок	*p'ai̥za	*sigre	*p'ai̥za
грудные позвонки	-	*sigre	*sigre
поясница человека	*belke	*belke	(*belke)
круп животного	*zag̚z	*zag̚z	*baug̚t
поясничн.позвонки	-	*nier-	-
лопаточная часть спины	*baug̚t (= лопатка)	**baš	*p'ai̥za

Тю

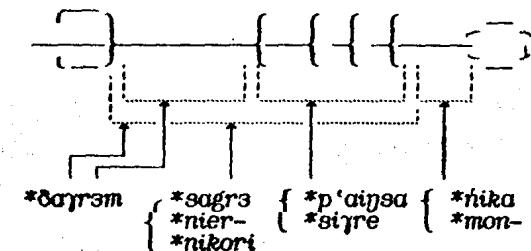
*arka 'спина человека'; *baug̚t 'лопат. ч. спины'; для *nier- дляproto-турк. должно восстанавливаться человеко-ориентированное значение (⇒ 'сзади').

Мо

*baš 'лопатка = лопаточная часть спины; *čekē- '?' (разделочный термин, относящийся к передней части туши; (?) в ч. спины человека)

ТМ

'Спина человека' *arka.

Из схем видно, что а) монгольская система не имеет особого наименования для спины человека; имеющаяся система названий спины является животно-ориентированной; утеряно различение названий частей спины и отделов позвоночника, причем, по-видимому, в основном за счет утери названий частей спины; б) Тю система сохраняет специальное название спины человека; утеряно различение частей спины и отделов позвоночника; по-видимому, можно предполагать первоначально "человеко-ориентированную" систему названий спины животного: этим объясняется переход *nier- (в других языках 'весь позвоночник') ⇒ 'сзади' и *sigre (в других языках 'грудные позвонки') ⇒ 'спина животного'; в) ТМ система имеет особое слово для спины человека; названия спины животного "животно-ориентированы". Отсюда естественно развитие *zag̚z (в других языках 'круп') ⇒ 'спина животного'. Рефлекс *baug̚t в ТМ (животно-ориентированной) системе - 'спина = поясница', в Тю (человеко-ориентированной) системе - 'верхняя, лопаточная часть спины'. Естественно полагать отсюда, что это слово является для правтайского основным функциональным словом для 'спины'. Прочие значения восстанавливаются достаточно тривиально. Итак, правтайская система:

*arka 'спина человека'.

*baug̚t 'спина'.

*nier- ' позвоночник'

*nikori: спинной мозг (в Тю значение 'шейная часть позвоночника', очевидно, выделилось вновь как функциональное в связи с оп-

ределенным способом убоя домашнего скота, при котором прорезаются спинной мозг и спинное сухожилие в ближайшем к поверхности месте)

**naka* 'шейные позвонки'

**r'ailea* 'верхняя часть спины животного'

**at'ure* 'грудные позвонки'

**bagrз* 'круп животного'

**beile* 'поясница человека' (в ТМ старое наименование поясницы сохранилось во фразеологизованном употреблении как название места, на которое сажают ребенка).

Для **ceke-* и **dai-*, по-видимому, следует восстанавливать значение 'загривок' (человека vs животного?).

2. Плечо.

Табл. 2.

Значение	Тю.	Мо.	ТМ	*
плечо	* <i>eym-</i>	* <i>mötre</i> , * <i>eym</i>	* <i>mötre</i>	* <i>mötre</i>
лопатка	* <i>kemde</i>	* <i>dalu</i>	* <i>kemde</i>	* <i>kemde</i>
ключица	* <i>otash-</i>	* <i>eym</i> , * <i>otash-</i>	* <i>eym</i>	* <i>eym</i> ⁹
ключичная область груди(животного)	-	* <i>otash-</i>	-	* <i>otash-</i>

Развитие к Тю состоянию: 1) Старое слово 'плечо' (**mötre*) выпало и его место заняло старое слово 'ключица' (**eym*). Возможно, что этот сдвиг произошел вследствие абсолютизации номинационной модели 'ключица' = 'плечо' + 'кость'; это обычна модель в современных тюркских языках. 2) Место старого обозначения собственно ключичной кости **eym* занимает название ключичной области. В монг. сохраняется старая система, но теряется различие лопаточной кости и соответствующей области спины (загривка).

3. Подмышка, пазуха. В праалт. восстанавливается противопоставление **k'awip-* 'подмышка' ~ **ebür* 'пазуха'. В ТМ оба понятия

⁹ Возможно, что, будучи обозначением собственно ключичной кости, это слово является общеалтайским производным от глагола **eý* 'гнуть' (по традиц. энному алтайскому предложению), таким образом, его внутренняя форма - 'дужка'.

обозначаются одним словом: **k'awip-*. Тю. ситуация, видимо, производна от ТМ: возникло различие 'подмышки' и 'пазухи'; рефлекс *k'awip-* означает 'пазуха', а как название подмышки используется стальное слово 'бок'. В монг. нейтрализация алт. различия прошла в другую сторону; сохранилось старое слово 'пазуха'; монг. **zizi* 'подмышка', по-видимому, попадает в эту оппозицию впоследствии, возможно, его первоначальное значение - также 'бок, сторона'.

4. Рука.

Табл. 3.

Значение	Тю.	Мо.	ТМ
плечевой сустав	* <i>öl-</i>	-	-
Arm	* <i>k'öl</i>	-	(* <i>k'öl-</i>)
Hand	* <i>al(g)ð</i>	-	* <i>al(g)ð</i>
рука	-	* <i>gar</i>	-
кость верхней части руки	-	* <i>bagu-</i>	* <i>daga</i>
мышцы верхней части руки	-	* <i>bulžen</i>	* <i>sil-</i>
Oberarm	* <i>gar</i>	* <i>bagu-</i>	-
локоть	* <i>caka</i>	* <i>toqoi</i>	* <i>k'uiñcen</i>
предплечье	* <i>bile-</i>	-	* <i>caka</i>
локтевая кость	-	(* <i>bagu</i>)	* <i>sigrä</i>
лучевая кость	-	* <i>sil-</i>	(* <i>ile?</i>)
мышцы предплечья (и передней ноги)	-	* <i>bulžen</i>	* <i>tirsz-</i>
запястье	* <i>bile-</i>	-	* <i>bile-</i>

Табл.4

	Тю	Мо	ТМ
* <i>öl-</i>	плечев. сустав	-	(лучевая/малая берцо- вая кость?)
* <i>köl</i>	Arm	передняя/зад- няя нога	Arm
* <i>gar</i>	плечо руки	-	рука
* <i>daga-</i>	-	-	плечевая/бедренная кость
* <i>bagu-</i>	-	-	плечевая кость, локтевая кость

* <i>gil-</i>	-	лучевая/малая берцовая кость	мышцы плечевой части руки
* <i>k'ujn-čep</i>	-	-	локоть
* <i>čač-</i>	локоть	-	предплечье
* <i>bičra</i>	двойная кость голени	двойная кость голени	локтевая/большая бер- цовская кость
* <i>tirəz-</i>	локоть животн.	-	мышцы предплечья/го- лени
* <i>bilčep</i>	мышицы конеч- ностей	нарукавник	
* <i>bile-</i>	запястье, пред- плечье	-	запястье

По Тю и ТМ данным для ПА восстанавливается центральная оппозиция вида **k'öl* 'Arm' ~ **al(g)ə* 'Hand'. Монг. в отношении центральной оппозиции явно претерпел большие изменения. Именно, по-видимому, на очень раннем этапе **al(g)ə* стало обозначать 'рука' (и, возможно, значение 'кисть' стало выражаться названием лапы, производным от глагола 'царапать' **tirma-*); при этом старое название 'Arm' **k'öl* (которое значило также и переднюю конечность животного) сохранилось только в качестве названия передней конечности животного. Затем тип центральной оппозиции вновь быстро сменился и старое название плечевой части руки **gar* получило значение 'Arm', а слово для 'кисти' сохранилось только в контекстах, где обозначало 'запястье' (типа нем. *Hand-wurzel* или перс. *bändi-däst*), и этот тип употребления для него абсолютизировался. Впоследствии прамонгольский язык попал в зону действия того же редкого процесса, который прошел в сакском и восточнотюркских языках (диалектах), то есть произошел переход 'Arm' ⇒ 'рука'. Затем в прамонгольском произошла смена типа наименования передних конечностей животного, а именно, они стали отождествляться с задними конечностями, и, далее, не с руками, а с ногами человека (по-видимому, тип, связанный с восточносибирской территорией). Развитие, очевидно, имело "животно-ориентированный" характер, вследствие чего утеряно оказалось старое название ноги человека (ср. соответствие Тю **adak* 'нога ⇒ конец' - Монг. **fadag* 'конец'), и на его место взято было название передней/задней ноги животного **k'öl*. При этом старые разделочные термины, относящиеся специально к частям передней конечности, перешли на соответствующие части руки (вытеснив старое название пре-

дплечья). Это **bagu* 'толстая кость передней конечности' и **gil-* 'голень передней ноги' (сдвиг из 'плечевая часть передней ноги') ⇒ 'тонкая кость голени/передней конечности'. Впоследствии (под влиянием тюркских контактов?) тип отождествления передней конечности животного сменился на прежний (т.е., 'передняя нога' = 'рука'); так была получена прамонгольская система периода распада.

Соотношение Тю и ТМ решеток говорит о значительно меньшем числе изменений, произошедших с ними. В тюркской решетке отсутствуют особые вхождения для названий костей. В ТМ названия костей одинаковы в системе руки и ноги. Название толстой кости предплечья/голени в ТМ решетке явно пришло из системы ноги (ср. значение в других алт. семьях). Возможно, таково же происхождение названия плечевой/бедренной кости. В тюрк. решетке произошел семантический сдвиг: выпало старое название локтя и на его место сдвинулось название предплечья (и, соответственно, передней голени).

Таким образом, для ПА восстанавливается система со специальными разделочными терминами для передней конечности животного:

	Человек	Животное
Arm	* <i>k'öl</i>	
Hand	* <i>al(g)ə</i>	* <i>bagu</i> (кость)
Плечевая часть	* <i>gar</i>	* <i>gil-</i> (мышцы)
локоть	* <i>k'ujn-</i>	
предплечье	* <i>čač-</i>	* <i>tirəz-</i>
запястье	* <i>bile</i>	

Несколько, является старым, или возникшим уже на тюрк. почве название плечевого сгиба; возможно еще праалт. слово со значением 'бщепс (человека)' **bilčep*.

Решетка 'кисть' - 'ладонь' имеет в алтайских семьях следующий вид:

Тю	-	* <i>p'alija</i>
	* <i>nijdurga</i>	* <i>p'atja</i>
Мо	* <i>k'uru</i>	* <i>p'alija</i>
	* <i>nijdurga</i>	* <i>p'atja</i>
ТМ	-	* <i>p'alija</i>
	<i>nijdurga/siantu</i>	* <i>k'uru</i>

Рефлекс *р'атъа при этом имеет в ТМ значение 'подушечки, внутренняя сторона звериной лапы'.

ПА система, соответственно, восстанавливается как

*nindurga (siantu?)	*р'алия
	*р'атъа;

старым значением *к'ши (отчасти сохраняющимся и в ТМ, ср. 'копыто') было, по-видимому, 'лапа (с пальцами)'.

Для пальцев рук восстанавливается три названия:

большой палец	*р'атъо-
палец	*к'ши-
мизинец	*зиге- ¹⁰

Восстанавливается также общеалтайское наименование фаланги пальца *Елгি.

Основные выводы. Получена реконструкция праалтайской соматической лексики, имеющая определенные историко-культурные выходы: так, судя по ней, можно полагать, что праалтайцы занимались если не скотоводством, то, по крайней мере, развитой охотой, имея кодифицированную разделочную терминологию. Процессы, проходившие в этой лексике после распада праалтайского языка, связываются с сибирским и центральноазиатским регионами. Естественно, что наиболее бурное развитие претерпела реконструируемая монгольская система: как уже упоминалось, эта система, в сущности, может претендовать на статус только прасеверномонгольской; южномонг. языки, далеко разошедшиеся с северными в фонетическом отношении, несомненно, могли бы послужить углублению монгольской реконструкции (и, соответственно, ее приближению к алтайскому виду), но в настоящее время они почти креолизованы китайским влиянием и их старые лексические особенности недоступны исследованию. Что касается облика рассмотренных праалтайских решеток, оказывается, что они вполне сравнимы по расчлененности с соответствующими решетками современных языков, и, таким образом, не сбываются высказывавшиеся многими алтайстами предположения о том, что для праалтайского придется вос-

10 Тюрко-тунгусоманьчжурское название мизинца *сүніс - производное от синокавказского заимствования *шітіл 'большая пядь'; тюркское *сіс-лај - производное от ФУ *әәсө 'пядь' (см. Приложение).

становливать слишком большое количество названий частей тела. Изменение данной лексической системы идет обычным "синусоидальным" путем; значение слов может и сужаться, и расширяться, часть слов выпадает, появляются новообразования или метафорические названия, и общий объем системы (в соответствии с сохранением облика денотата) остается примерно одинаковым. При этом каждое изменение системы определяется некоей "доминантой": например, "животно-ориентированное" развитие (возможно, связанное с изменением статуса "низкого стиля", что, в свою очередь, хотелось бы связывать с социальными процессами внутри соответствующего этноса), или сокращение числа немотивированных наименований для частей тела животных (явно сопряженное с влиянием нескотоводческих культур, как это наблюдается в огузских языках). Дальнейшая работа в направлении реконструкции отдельных лексических систем и путей их изменения по различным языковым семьям и в контактных зонах позволит получить массив дополнительных сведений по дописменной истории языков и их контактов. Наконец, возможности реконструкции лексической подсистемы для праалтайского оказываются точно такими же, как, например, для праиндоевропейского, что, по-видимому, еще раз подтверждает реальность праалтайской общности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. К вопросу об алтайском родстве. - Лингвистическая реконструкция и история Древнего Востока. М., 1984. 0,2 п.л.
2. Базисная лексика и языковые контакты: названия пальцев рук в среднеазиатском ареале. -Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. М., 1984. 0,5 п.л.
3. В.М.Илич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (р - q). (По картотекам автора). М., 1984. (Совм. с А.Б.Долгопольским, В.А.Дыбо). - 10 п.л.
4. К праалтайской реконструкции названий частей тела. - Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. 1 п.л.
5. Опыт применения ареального изучения номинационных систем в этимологическом исследовании. - Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. 0,5 п.л.
6. Об алтайских названиях пядей. - Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. 0,3 п.л.

7. Этимологический материал к реконструкции пратунгусоманьчжурских названий частей тела. - Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях, М., 1988. - 1 п.л.
8. Применение лингвогеографического анализа в этимологии. - Ibid. - 1 п.л.
9. К истории традиционных антропометрических терминов. - СТ №1, 1989. - 0,9 п.л.
10. Methods in systemic reconstruction of Altaic and Nostratic lexics. - Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. - 1 п.л.
11. Заемствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков. - Ibid. - 0,7 п.л.
12. Инлаутные гуттуральные в тунгусоманьчжурском и праалтайском. - Тезисы конференции "Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе". М., 1990. - 0,3 п.л.
13. Иранские названия пядей. - Вопросы иранистики и албановедения. Владикавказ, 1990. - 0,2 п.л.
14. Тюрк. *t-, *d-. - Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М., 1991. - 1 п.л.
15. (Реферат) Дерфер Г. Грамматика халаджского языка. - РЖ "Общественные науки за рубежом", сер. 6. №4, 1990. - 0,25 п.л.
16. (Реферат) Сравнительно-историческое языкознание. История и теория. - РЖ "Общественные науки за рубежом", сер. 6. №5 1990. - 0,2 п.л.
17. (Реферат) Певнов А.М. Звуковой строй чжурчжэнского языка. - РЖ "Общественные науки в СССР", сер.6. №6,1989. - 0,15п.л.
18. (Реферат) Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: материалы к дискуссии на Международной конференции (М., 29 мая - 2 июня 1989 г.). - РЖ "Общественные науки в СССР", сер. 6. №2, 1990. - 0,3 п.л.
19. (Реферат) К. Махмудов. Фонетика тюркских письменных газетников XIII-XIV веков. - На узб. яз. - РЖ "Общественные науки в СССР", сер. 6. №4, 1991. - 0,25 п.л.
- 20.(Реферат) Э.Н.Наджип. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. - РЖ "Общественные науки в СССР", сер. 6. №4, 1991. -0,25п.л.